

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ:
ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента И.С. Дикарева*

Волгоград 2013

ББК 67.410.212.1я43

Д62

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук, доц. *И. С. Дикарев* (отв. редактор);

д-р юрид. наук, проф. *Е. А. Зайцева*;

канд. юрид. наук, проф. *А. П. Кругликов*;

канд. юрид. наук, доц. *Н. А. Соловьева* (отв. секретарь)

Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной
Д62 регламентации и проблемы правоприменения [Текст] : сб. ст. / Фе-
дер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования
«Волгогр. гос. ун-т» ; общ. ред. и предисл. *И. С. Дикарева* ; ред-
кол.: *И. С. Дикарев* (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ,
2013. – 113 с.

ISBN 978-5-9669-1203-1

В сборник включены статьи, посвященные вопросам законодатель-
ной регламентации и проблемам практики применения дознания в сокра-
щенной форме. Рассматриваются общие вопросы дифференциации процес-
суальной формы, основания и условия производства дознания в сокращен-
ной форме, проблемы реализации принципов уголовного процесса и осо-
бенности процесса доказывания при применении данной формы предвари-
тельного расследования.

Сборник предназначен для ученых-специалистов в области уголовно-
го процесса, практических работников правоохранительных органов, пре-
подавателей, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, а
также для всех, интересующихся проблемами уголовной юстиции.

ББК 67.410.212.1я43

ISBN 978-5-9669-1203-1

© Авторы статей, 2013

© Оформление. Издательство Волгоградского
государственного университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дикарев И.С.</i>	
Предисловие	5
<i>Аширбекова М.Т.</i>	
О критериях дифференциации форм дознания	7
<i>Глебов В.Г.</i>	
К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе	15
<i>Дикарев И.С.</i>	
Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат	22
<i>Елфимова Е.И.</i>	
Пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме	35
<i>Зайцева Е.А.</i>	
Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ о применении специальных познаний и эрозия правового института судебной экспертизы	38
<i>Кабельков С.Н.</i>	
К вопросу соответствия дознания в сокращенной форме принципам уголовного процесса	49
<i>Керимов Ш.Ш.</i>	
Проблемы процессуальной самостоятельности дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме	53
<i>Кругликов А.П.</i>	
Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела?	58
<i>Митькова Ю.С.</i>	
Сокращенное дознание и полномочия начальника подразделения дознания	74
<i>Перекрыстов В.Н.</i>	
Признание вины как условие сокращенного порядка дознания	80

Печников Г.А.

Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе	87
---	----

Соловьева Н.А.

Сокращенное дознание в системе отечественного восстановительного правосудия	95
--	----

Трифонов К.А.

Направление уголовного дела прокурором для производства дознания в общем порядке	104
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	111
---------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей своей истории уголовное судопроизводство развивается движимое поиском все более совершенных и эффективных процессуальных форм.

Провозглашая права и свободы человека высшей ценностью, Конституция РФ предопределяет в качестве назначения всякой государственной деятельности признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Данное конституционное положение нашло развитие в ст. 6 УПК РФ, раскрывающей назначение уголовного судопроизводства. Исходя из этой нормы, можно сделать вывод, что в современных условиях придание уголовно-процессуальной деятельности определенной формы нацелено на создание такого порядка судопроизводства, который, будучи примененным на практике, обеспечивал бы защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В этом смысле процессуальная форма характеризует уголовный процесс с качественной стороны, предопределяя его способность реализовать собственное социальное предназначение.

В последние десятилетия в уголовно-процессуальном праве четко прослеживается тенденция к упрощению процессуальной формы и обеспечению тем самым существенной экономии в тех случаях, когда сторона защиты не оспаривает установленные органами уголовного преследования фактические обстоятельства дела и их правовую оценку.

Очередным проявлением данной тенденции стало принятие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, которым в УПК РФ введена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме».

¹ См.: Российская газета. 2013. 6 марта.

Значимость внесенных в закон дополнений трудно переоценить. Законодатель ввел в уголовный процесс новую форму предварительного расследования, характеризующуюся сокращенными процессуальными сроками, спецификой процесса доказывания, расширением процессуальных прав сторон и одновременным ограничением процессуальной самостоятельности дознавателя.

Снижение нагрузки, связанной с установлением дознавателем фактических обстоятельств дела при производстве дознания в сокращенной форме, в немалой степени обеспечивается за счет перенесения этой нагрузки на стадию возбуждения уголовного дела. В связи с этим, чтобы «вписать» новую форму предварительного расследования в сложившуюся модель досудебного производства, законодателю пришлось внести серьезные изменения в регламентацию стадии возбуждения уголовного дела, значительно усилив ее познавательные возможности.

Соответственно, рассматривать новеллы уголовно-процессуального законодательства правильнее в комплексе. Из этого и исходили авторы представленного вниманию читателя сборника: в статьях затрагивается широкий круг вопросов, связанных с законодательной регламентацией и практикой применения дознания в сокращенной форме.

При этом авторы отдают себе отчет в том, что отсутствие в настоящее время обширной правоприменительной практики применения новой формы расследования скрывает от взора исследователей многие проблемы, которые еще обнаружат себя в будущем. Вместе с тем, целый ряд недостатков законодательной регламентации очевиден уже сейчас, и чем раньше процессуальная теория обратит на них внимание, тем выше вероятность того, что они будут учтены и исправлены в процессе дальнейшей законотворческой работы.

Ответственный редактор
И. С. Дикарев

М.Т. Аширбекова

О КРИТЕРИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФОРМ ДОЗНАНИЯ

Отчетливой тенденцией продолжающейся реформы уголовного судопроизводства является дифференциация видов процессуального производства по уголовному делу.

Категория «процессуальное производство» в общетеоретических исследованиях рассматривается как элемент процессуальной формы, отражающий определенную специализацию процессуальной деятельности органов и должностных лиц в зависимости от целей процессуальной деятельности, функций и компетенции субъектов этой деятельности¹.

В уголовно-процессуальной литературе к числу признаков, по которым различаются виды процессуальных производств, также относят направленность производства, его задачи, материально-правовые отношения, лежащие в его основе; степень сложности уголовно-процессуальной формы; соотношение в производстве публичных и диспозитивных начал того или иного производства².

Надо отметить, что одна часть из названных признаков (направленность производства, его задачи, материально-правовые отношения) является критериями самой дифференциации, а другая (степень сложности уголовно-процессуальной формы; соотношение в производстве публичных и диспозитивных начал того или иного производства) – результатом дифференциации, а не критериями таковой.

В то же время, содержание этих признаков должно подчеркивать отличимость того или иного вида процессуального произ-

¹ Г.А. Борисов рассматривает «процессуальные производства» в качестве элементов юридической процессуальной формы (см.: Борисов Г.А. Процессуально-правовая ответственность в современном законодательстве России // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 70–78).

² См.: Якимович Ю. К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. Томск, 2001. С. 21.

водства. Так, очевидна специальная направленность и содержание производства о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ), его отличие от общего (ординарного) порядка предварительного следствия.

В целом же, на наш взгляд, наиболее устойчивыми, а потому неперенными критериями для дифференциации процессуальных производств выступают предмет такого производства – преступление той или иной категории (ст. 15 УК РФ), особенности субъекта преступления, выступающего в процессуальном статусе обвиняемого (подозреваемого), сложность уголовного дела.

Думается, что по своему содержанию названные критерии можно различать как уголовно-правовые и процессуально-криминалистические.

К критериям уголовно-правового характера относится предмет производства (характер материально-правового отношения), понимаемый как конкретный состав преступления, отнесенный к той или иной категории тяжести преступлений в соответствие со ст. 15 УК РФ. С учетом этого критерия моделируются отличающиеся от обычных (общих) форм – специальные сокращенные и упрощенные (суммарные) виды процессуального производства; либо наоборот – более сложные процессуальные формы, например, судебное разбирательство с участием присяжных заседателей (глава 42 УПК РФ), отличающееся от судебного разбирательства по нормам глав 35–39 УПК РФ.

Как уголовно-правовой критерий дифференциации выступают также особенности субъекта преступления, которые соответственно характеризуют и особенности обвиняемого (подозреваемого). Потому уголовно-процессуальный закон выделяет порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ).

В этом плане от них отличаются процессуально-криминалистические критерии, к которым, думается, следует относить позитивное посткриминальное поведение обвиняемого (подозреваемого) и сложность уголовного дела. Конечно, нельзя не отметить, что первый критерий связан с субъектом, так как указанное поведение проявляется обвиняемым (подозреваемым). В этом

смысле позитивное посткриминальное поведение обвиняемого (подозреваемого) в определенных случаях может иметь и уголовно-правовое значение для освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ) и определения наказания (п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62 УК РФ).

Однако нами позитивное посткриминальное поведение обвиняемого (подозреваемого) рассматривается в процессуально-криминалистическом аспекте, так как оно значительно снижает «энергоёмкость» установления фактических обстоятельств расследуемого преступления и потому сопряжено с понятием «сложность уголовного дела». Понятно, что поведение обвиняемого (подозреваемого), активно противодействующего расследованию, вряд ли позволит характеризовать то или иное уголовное дело как несложное.

В то же время степень сложности уголовного дела характеризуется не только противодействием обвиняемого (подозреваемого) расследованию, но и другими факторами. Такие факторы многообразны.

По крайней мере, к ним можно отнести следующие: совершено преступления в условиях очевидности или совершившее его лицо не установлено на момент возбуждения уголовного дела; многоэпизодное преступление или нет; совершено ли оно в соучастии – группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией); совершено несколько преступлений, вменяемых в вину обвиняемому (подозреваемому).

В целом перечисленные уголовно-правовые и процессуально-криминалистические критерии были взяты за основу в модели нового вида процессуального производства – сокращенной формы дознания (глава 32.1 УПК РФ).

При этом критерии выделения сокращенной формы дознания дают представление и о содержании осуществляемой в нем процессуальной деятельности, проявляют его сходства и отличия от общего порядка дознания по нормам главы 32 УПК РФ.

Так, анализ норм глав 32 и 32.1 УПК РФ обнаруживает одну особенность: общий порядок дознания и сокращенная форма дознания не различаются по признаку предмета производства.

Предмет производства для этих форм дознания – единый. Закон к предмету дознания относит 97 составов преступлений категории небольшой и средней тяжести (ч. 1 и 2 ст. 15 УК РФ, п. 1 ч. 3 ст. 159 УПК РФ). Именно эта общность предмета дает возможность перехода производства по делу из режима сокращенного дознания в режим общего порядка, если подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель заявят ходатайство о прекращении сокращенной формы (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ).

В то же время надо отметить, что есть и небольшое отличие по предмету. Так, из содержания п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ вытекает, что иные преступления небольшой и средней тяжести, за исключением указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, относятся к предмету только общего порядка дознания. Но это отличие не связано с категорией преступлений, а с конкретными составами, которые, однако, в законе не перечисляются. Закон содержит лишь оговорку о том, что по указанию прокурора по ним проводится дознание.

Уголовно-правовые критерии дифференциации отражают свойства субъекта преступления, выступающего в качестве подозреваемого.

Во-первых, он должен быть непременно совершеннолетним лицом, так как закон прямо указывает, что сокращенная форма дознания исключается, если подозреваемый – несовершеннолетний (п. 1 ч. 1 ст. 226. 2 УПК РФ).

Во-вторых, он не должен иметь признаков, которые дали бы основание полагать, что он страдал во время совершения общественно опасного деяния психическим расстройством, ставящим под сомнение его вменяемость, либо страдает ими на момент производства по делу. Иными словами, не должно быть оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера в связи с обстоятельствами, указанными в п. «а», «б» и «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Указанное производство само по себе выступает обособленным видом процессуального производства, специально предназначенного для повышенной защиты прав и интересов лиц, указанных в п. «а», «б» и «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Но есть и свойства уголовно-процессуального характера, связанные с личностью обвиняемого (подозреваемого). Так, значимым свойством, связанным с субъектом преступления, является не владение подозреваемым языком судопроизводства. Не владение подозреваемого языком судопроизводства является обстоятельством, исключающим сокращенное дознание (п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Но это свойство вряд ли может пониматься как общий критерий для дифференциации видов процессуальных производств. Скорее всего, в сокращенном дознании такой запрет выступает гарантией прав и интересов подозреваемого.

Внимания заслуживает положение закона (п. 3 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) о том, что сокращенная форма не допускается, если подозреваемый принадлежит к категории субъектов, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 УПК РФ. Конечно, этот признак характеризует субъекта, выступающего в качестве обвиняемого (подозреваемого). И он, безусловно, является критерием дифференциации видов производства. Однако, такой вид производства уже определен в главе 52 УПК РФ. Допущение же сокращенного дознания в отношении лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ, означало бы дифференциацию этого, ставшего уже особым, производства и делало бы его бессмысленным.

Критерием выделения сокращенной формы дознания и его же признаком выступает сложность уголовного дела. Надо сказать, что понятие «сложность уголовного дела» вошло в ткань уголовно-процессуального закона сравнительно недавно. Так, о «фактической сложности уголовного дела» как критерия оценки разумности сроков судопроизводства указывается в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ.

Понятие «сложность / несложность уголовного дела» – оценочное. Потому законодатель не может детально прописать, какое именно дело сложное, а какое – нет. Не углубляясь в эту проблему, повторимся, что сложность или несложность уголовного дела понимается нами не в уголовно-правовом плане, хотя она и связана с предметом производства.

«Сложность / несложность уголовного дела» как процессуально-криминалистическое явление связано, как уже отмечалось,

с рядом ситуационных факторов. Применительно к сокращенному дознанию о несложности дела свидетельствуют следующие положения.

Так, на несложность уголовного дела указывает п. 1 ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ, устанавливающий, что условием сокращенной формы дознания является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. В переводе на ситуацию это означает, что сокращенное дознание производится в отношении уже установленного лица.

На несложность уголовного дела указывает также позитивное посткриминальное поведение подозреваемого. Оно выражается в том, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ).

Понятно, что при таких обстоятельствах расследовать преступление намного проще, чем, если бы имело место активное противодействие расследованию.

Обращает внимание, что сокращенное дознание производится по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Это вытекает из смысла положений п. 1 ч. 2 ст. 226.1 и п. 4 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ³, что говорит о том, что приведенное условие не характеризует уголовное дело как сложное.

Однако закон умалчивает о том, возможна ли сокращенная форма дознания в отношении нескольких подозреваемых? Видимо, по количеству подозреваемых – соучастников уголовное дело должно пониматься как сложное.

Таким образом, можно сделать вывод, что представленная в главе 32.1 УПК РФ сокращенная форма дознания выделилась в основном по критериям, связанным с субъектом (подозреваемым) и с тем, что он, признавая свою вину и соглашаясь с выдвинутым подозрением, облегчает доказательственную деятельность дознавателя.

³ Сокращенное дознание не производится, если только одно из этих преступлений не относится к преступлениям, указанным в ч.3 ст. 150 УПК РФ.

Приведенные положения, кроме прочего, указывают на проявление диспозитивных начал, характеризующих поведение подозреваемого. Однако такое поведение будет иметь формообразующий эффект только в том случае, если потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме (ч. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Позиция потерпевшего при условии, что он не возражает против указанной формы дознания, есть, по сути, его согласие с позицией подозреваемого. Она снимает обостренность ожидаемого для состязательного процесса противоборства сторон.

Приведенные положения указывают на упрощение предпринимаемой дознавателем фактоустановительной деятельности и правовой оценки установленных обстоятельств дела.

Очевидно, что законодатель под понятием «сокращенная форма» имеет в виду не столько краткие сроки дознания, сколько деятельностьную сторону – упрощение производства за счет изъятий в доказывании.

К таковым относятся положения ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, дающие дознавателю:

- возможность не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- возможность не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- возможность не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев, указанных в подп. «а», «б», «в» п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ;

- возможность не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических

обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Очевидно, указанные упрощения в доказывании – путь рационализации дознания, компенсируемый в целом стандартным уровнем соблюдения прав и интересов сторон, а также интересов правосудия.

Но такой рациональный подход за счет значительных упрощений был известен советскому, а затем и российскому уголовному процессу. Это – протокольная форма досудебной подготовки материалов дела, введенная Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. в УПК РСФСР (глава 34).

По сути, она была схожа с следственной проверкой, проводимой для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако ее недостатком было положение о том, что само уголовное дело должно было возбуждаться судом, что понятно, не могло прижиться в состязательном процессе.

Но это форма, несомненно, имела достоинства. Не случайно профессор права Сент-Луисского университета (США) С. Тейман, проанализировав российский уголовный процесс и сравнив его с судопроизводством других стран, писал: «В России так называемая протокольная форма досудебной подготовки материалов дел (ст. 414-419 УПК) является важным первым шагом для того, чтобы избежать или упростить громоздкое российское предварительное следствие. Из опыта других постинквизиционных европейских систем правосудия можно извлечь дополнительные пути сокращения процедуры в простых, более или менее не спорных уголовных делах...Ведь в большинстве уголовных дел доказательства собираются в течение нескольких часов после совершения преступления. Такие дела решаются просто, и нецелесообразно откладывать день приговора только для того, чтобы соблюсти сомнительный, псевдонаучный инквизиционный принцип, который мало-помалу исчезает со сцены правосудия»⁴.

⁴ Тейман С. Сделки о признании вины или сокращение формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 36, 37.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ
СОКРАЩЕННЫХ ФОРМ ДОСУДЕБНОГО
ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. в целом воплотил в себе заложенные в Конституции России идеи приоритета прав личности, состязательности и равенства сторон, роли и объема полномочий суда в правоохранительной системе, конкретизировав их применительно к условиям уголовного судопроизводства. Именно в этом видится прогрессивная роль данного закона в формировании правового государства.

Вместе с тем, высоко оценивая в этом общеправовом смысле действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), в нем в силу превалирующей роли в его разработке одной группы авторов, были заложены определенные недостатки. Они за время, прошедшее с момента принятия и вступления в силу УПК РФ, неоднократно себя проявляли и приводили законодателя к необходимости внесения в него изменений и дополнений. Соответствующие новшества касались регламентации различных аспектов уголовно-процессуальной деятельности и носили характер как «косметического ремонта» – осуществления процессуальных функций отдельными участниками судопроизводства, доказывания, производства следственных действий, применения мер принуждения, так и «капитального» – изменения содержания стадий уголовного судопроизводства (возбуждения уголовного дела, производства в судах апелляционной и кассационной инстанций), введение особых видов судопроизводств (заключения досудебного соглашения о сотрудничестве). Именно последняя категория правовых новелл вызывает определенный интерес, особенно в связи с введением Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в действующий УПК РФ новой главы 32.1 «Дознание в сокращенной форме».

Следует отметить, что сокращенные варианты обычной процессуальной процедуры производства по уголовному делу в УПК РФ уже существовали с момента его принятия, хотя и их наименование носит завуалированную формулировку «особый порядок». Имеется в виду глава 40 УПК, предусматривающая особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Он позволяет суду постановить приговор по такому уголовному делу без проведения судебного разбирательства – то есть, сократить судебное следствие по исследованию и оценке доказательств, собранных по уголовному делу, а также, по сути, прения и реплики участников. Фактически аналогичный «особый» сокращенный порядок был позже предусмотрен и для проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.7 УПК РФ).

Появление в уголовном судопроизводстве подобных сокращенных форм процессуальной деятельности приводит к необходимости выяснения вопросов об объективности причин их появления, о целесообразности этих правовых институтов и, в конечном счете – их эффективности.

Исследование проблемы эффективности правовой системы всегда представляло интерес для ученых-юристов, так как позволяло оценить действующее законодательство и практику его применения в комплексе правовых, социальных, экономических и других аспектов. Автор настоящей статьи также посвятил этим проблемам ряд публикаций¹.

¹ См.: Исследование функциональной эффективности следственных действий // Правомерность производства следственных действий: Сборник научных статей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001; Освидетельствование при расследовании преступлений (проблемы эффективности): монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007; Вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства и практика его применения. Караганда, 2009. С. 45; Эффективность функции уголовно-процессуального доказывания // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века. Ижевск, 2013. С. 220 и др.

В настоящий момент, как представляется, актуальность этого направления научной работы сохраняется и должна определяться главным образом изучением эффективности правовых установлений и выработкой на этой основе предложений по совершенствованию законодательства с учетом необходимости обеспечения реализации принципа назначения уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов всех участников процесса (ст. 6 УПК РФ).

Изучение эффективности правовых явлений – в принципе это исследования социологические, однако, современные позиции и подходы в разработке проблем функциональной эффективности уголовно-процессуальной деятельности должны учитывать возрастание роли и превалирование материальных сторон (факторов) в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Поэтому определяя методологические основы таких исследований необходимо учитывать и использовать с учетом правовой специфики соответствующие частные математические и экономические методы. Такой подход наиболее приемлем еще и в связи с тем, что уголовное судопроизводство (как и правовые установления в целом) представляет собой неразрывное единство норм права и деятельности по их применению. В этом смысле следует согласиться с давно высказанным мнением профессора А.Д. Бойкова о том, что эффективность уголовного процесса и его норм «выявляется в процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства и ею в значительной мере определяется»².

В целом рассматривая любое упрощение основной процессуальной формы или процедуры, напрашивается двоякий вывод о том, что, во-первых, если такая возможность сокращения существует, значит, имеется что-то лишнее – то, что устраняется или упрощается, а во-вторых, насколько эффективно и безболезненно подобное преобразование.

Анализ и сравнение введенного в уголовный процесс сокращенного дознания с его общим порядком, а также с другими осо-

² Бойков А.Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 171.

быми (как выше отмечалось, по сути сокращенными) производствами по уголовному делу позволяет констатировать наличие нескольких групп изменений. Это сокращение процессуальных сроков, прав или обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Если исходить из того, что обычное дознание как форма предварительного расследования отличается от предварительного следствия только меньшими сроками, то уже само это дознание является сокращенным, а именно – ускоренным, видом досудебного производства по уголовному делу³. Да и здесь отличия в определенной мере стираются – если в редакции ст. 223 по УПК РФ 2001 г. основной срок дознания устанавливался в 20 дней, то в соответствии с изменениями, внесенными в УПК Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ, он был увеличен до 30 суток. А при необходимости этот срок может быть продлен прокурором еще до 30 суток – что по существу совпадает с 2-х месячным сроком предварительного следствия.

Однако суть сокращения не только в уменьшении сроков; изменения более глубокие, так как они затрагивают стержневой элемент уголовно-процессуальной деятельности – правовое положение участников процесса и доказывание. Причем именно в этом проявляется не сокращение, а упрощение, что уже несет потенциальную угрозу качеству этой деятельности.

Такое упрощение уже видится в том, что даже при проведении дознания в обычном порядке из досудебного производства по уголовному делу фактически исключается такая ключевая фигура как обвиняемый. Его подменили подозреваемым как лицом, «которое уведомлено о подозрении в совершении преступления» (п. 4 ч. 1 ст. 46, ст. 223.1 УПК РФ) и которое, соответственно, не

³ Надо отметить, что С.И. Гирько считает ускоренным по отношению к обычному дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (см.: Правовое регулирование производства дознания: история и современность. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.vnii-mvd.ru/files/Правовое%20обеспечение%20производства%20дознания\(%20история%20и%20современность\).doc](http://www.vnii-mvd.ru/files/Правовое%20обеспечение%20производства%20дознания(%20история%20и%20современность).doc)).

имеет того объема прав, которыми наделяется обвиняемый для обеспечения возможностей защиты своих интересов. Трансформация подозреваемого в статус обвиняемого на завершающем этапе дознания при ознакомлении его с обвинительным актом существенно ситуацию не меняет. Кроме того, здесь же при завершении дознания с материалами уголовного дела и составленным обвинительным актом могут знакомиться исходя из содержания ч. 2 и 3 ст. 225 УПК РФ только потерпевший или его представитель по их ходатайству. Другие участники уголовного процесса – гражданский истец, гражданский ответчик, а также их представители в законе не упоминаются. По существу аналогичная ситуация имеет место и при окончании дознания, проводимого в сокращенной форме с составлением обвинительного постановления (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ).

При определении правил сокращенного дознания законодатель шагнул еще дальше, упростив процесс доказывания и поставив его в значительной мере в зависимость от усмотрения дознавателя. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ «дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств». Это непосредственно обозначает допущение законодателем субъективного подхода к определению степени потенциальной возможности потери доказательств и оценке их значимости для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

При этом для реализации этого положения дознаватель наделяется рядом прав на упрощение процедуры доказывания «с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела». Что опять же приводит к вопросу о том, насколько объективно будут оценены дознавателем эти «конкретные обстоятельства» и насколько обоснованно им будет принято решение не проводить те или иные следственные действия.

Кроме того, здесь видится определенное противоречие введенных законодателем новелл по отношению к общим нормам УПК РФ, устанавливающим правила доказывания. Так, в соот-

ветствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются «показания» некоторых участников процесса, под которыми предусматриваются сведения, сообщенные ими при производстве допроса (ст. 77-80 УПК РФ). Однако допрос это следственное действие, а дознавателю дано право «не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения» (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Что же тогда будет признано доказательством – объяснения? Но они не включены в перечень доказательств и соответственно не могут использоваться в их качестве, то есть такие сведения в качестве доказательств недопустимы исходя из требований ст. 75 УПК РФ.

Примерно аналогичные потенциально проблемные последствия содержит и норма, допускающая право дознавателя «не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении» (п. 2, 4 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Даже с учетом изменений, введенных Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» и расширивших круг процессуальных средств проверки сообщений о преступлении, нет гарантий того, что полученные в ее ходе сведения будут достоверны и достаточны для использования их в качестве доказательств при производстве предварительного расследования без соответствующей проверки. Кстати, такое «доведение» законодатель оказал только дознавателям, проводящим дознание в сокращенной форме, в остальных случаях проведения расследования по уголовному делу дознаватели и следователи по общему правилу обязаны проверять и оценивать полученные доказательства вне зависимости от способа их получения.

Но и это еще не все – для сокращенного дознания введена презумпция достоверности полученных дознавателем доказательств в случае если они «не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем» (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Другими словами, установление истины по делу и пределы доказывания ограничиваются на основании субъективного мнения некоторых участников процесса.

Таким образом, даже беглый анализ регламентации доказывания путем упрощения его порядка при производстве дознания в сокращенной форме в рамках досудебного производства по расследованию уголовных дел показывает наличие ряда проблем в виде потенциальных угроз объективному установлению обстоятельств преступления, а также обеспечению прав и законных интересов участников процесса. Такой подход представляется недопустимым и не может быть признан эффективным или оправдан даже несмотря на возможный эффект процессуальной экономии, которая возможно и будет достигнута благодаря сокращению временных, материальных, интеллектуальных и иных затрат при подобном упрощении процессуальной формы.

И.С. Дикарев

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ЗАМЫСЕЛ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Придание уголовно-процессуальной деятельности определенной формы нацелено на создание такого порядка судопроизводства, который, будучи примененным на практике, обеспечивал бы реализацию назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

При этом важнейшей предпосылкой реализации назначения уголовного судопроизводства является достижение по уголовному делу объективной истины, ведь только установив истину и приняв по делу правильное решение, можно обеспечить защиту прав потерпевшего, привлечение к уголовной ответственности действительно виновного в совершении преступления, и оградить невиновного от необоснованного обвинения, осуждения и наказания.

Соответственно, процессуальная форма может быть признана *эффективной* (то есть дающей определенный эффект, действенной) только при условии, что она гарантирует установление по уголовному делу объективной истины и тем самым обеспечивает реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем процессуальная форма должна быть еще и *оптимальной* (то есть наиболее благоприятной, наилучшей) – она должна обеспечивать достижение назначения уголовного судопроизводства с минимально возможными затратами (временными, трудовыми, материальными и т.д.). Другими словами, оптимальная – это процессуальная форма, требующая ровно столько затрат, сколько необходимо и достаточно для обеспечения ее эффективности.

Разработка законодателем оптимальной процессуальной формы предполагает учет многочисленных условий, определяемых совокупностью факторов (то есть существенных обстоятельств), влияющих на процесс установления юридически значимых обстоя-

тельств дела, упрощая или усложняя установление истины, а также обуславливающих необходимость усиления гарантий процессуальных прав и свобод участников уголовно-процессуальных правоотношений. Именно эти факторы и служат для законодателя основанием дифференциации процессуальной формы.

Таким образом, *дифференциация – это приспособление, адаптация процессуального порядка производства по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляется расследование и судебное рассмотрение уголовных дел.*

Введение в уголовный процесс дознания как упрощенной формы предварительного расследования имеет целью оптимизацию (снижение) процессуальных затрат с учетом характера и сложности расследуемых преступлений, а также иных условий, позволяющих реализовать назначение уголовного судопроизводства без применения отдельных процедур, свойственных предварительному следствию, и в значительно более короткие процессуальные сроки.

В своем «первозданном» виде дознание по УПК РФ полностью соответствовало своему предназначению, обеспечивая ощутимую процессуальную экономию за счет простоты процессуальной формы и быстроты расследования. По замыслу законодателя, в форме дознания должны были расследоваться лишь уголовные дела, возбужденные в отношении конкретного лица, при условии, что расследование может быть завершено в срок, не превышающий 25 суток. При отсутствии указанных условий применялась альтернативная форма расследования – предварительное следствие.

Однако, следственный аппарат оказался не готов к такой организации предварительного расследования. Необходимость производства предварительного следствия по подследственным органам дознания уголовным делам, возбуждаемым «по факту», а также не законченным дознавателями в установленный срок привела к тому, что следователи оказались перегружены работой. В поисках выхода из сложившейся ситуации следственная практика игнорировала требование закона о том, что в форме дознания расследуются только уголовные дела, возбужден-

ные в отношении конкретных лиц [См.: Комментарий к УПК РФ / Под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. М., 2002. С.421]. Позднее, одновременно с введением в УПК РФ процедуры уведомления о подозрении, это требование из закона и вовсе было исключено [См.: Федеральный закон от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 9 июня]. С этого момента начался процесс утраты дознанием значения упрощенной в сравнении с предварительным следствием формы расследования. Со временем законодатель констатировал это *de jure*, признав, что дознание может быть сложным и объемным – в таких случаях было предписано производить дознание группой дознавателей [См.: Федеральный закон от 23 июля 2010 г. №172-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 27 июля]. Сложилась совершенно нелогичная система предварительного расследования, при которой критерием разграничения его форм выступала не сложность уголовного дела, а должностное положение лица, ведущего по нему производство (то есть для следователей – одна форма расследования, а для дознавателей – другая).

Таким образом, предпринятая законодателем при принятии УПК РФ попытка дифференциации предварительного расследования обернулась полным провалом: дознание из сокращенной формы расследования постепенно «выродилось» в квази-предварительное следствие.

Однако этот неудачный опыт многому учит. Теперь можно с уверенностью сформулировать важное правило: *дифференциация процессуальной формы той или иной деятельности может быть эффективной только при условии, что производство как в ординарной, так и в упрощенной (усложненной) форме осуществляется одним и тем же субъектом.*

Не будь в России деления органов предварительного расследования на органы дознания и следственные подразделения, введенное УПК РФ дознание, вероятно, до сих пор в неизменном виде успешно применялось бы на практике. Если бы пред-

варительное расследование в обеих формах осуществляли только следователи, практика не столкнулась бы с проблемой неравномерного распределения уголовных дел между различными подразделениями (следствия и дознания). Объем нагрузки на следователей оставался бы стабильным по количеству дел – просто их расследование в зависимости от конкретных обстоятельств осуществлялось бы то в форме предварительного следствия, то в форме дознания.

Но, как известно, история не терпит сослагательного наклонения. Так или иначе, спустя десять лет после введения в действие УПК РФ дознание перестало быть упрощенной формой судопроизводства и по сложности, объему процессуальных затрат стало вполне сопоставимо с предварительным следствием. Между тем, потребность в упрощенной форме расследования по-прежнему остро ощущалась в правоприменительной практике. Выйти из положения за счет реорганизации «усложнившегося» дознания путем его упрощения в условиях, когда у следователей свои дела, а у дознавателей – свои, в том числе сложные и объемные, было невозможно. И законодательно не оставалось ничего другого, как ввести новую дифференцированную форму предварительного расследования, получившую название «дознание в сокращенной форме» (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Разрабатывая конструкцию дознания в сокращенной форме, законодатель активно использовал накопленный опыт регламентации и применения успешно зарекомендовавших себя особых порядков принятия судебных решений, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ. Существенной новацией стала попытка законодателя добиться снижения процессуальных затрат через оптимизацию процесса доказывания в ходе *досудебного* производства. Подобная технология используется законодателем впервые – ранее процессуальная экономия обеспечивалась преимущественно в ходе *судебного* производства за счет сокращения судебного следствия при применении особых порядков принятия судебных решений.

Насколько замысел законодателя амбициозен, настолько же сложна его реализация. Дело в том, что в отличие от судебного производства, где процессуальная экономия при применении порядков, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ, обеспечивается благодаря освобождению суда от обязанности исследовать и оценивать доказательства, собранные по делу стороной обвинения и не оспариваемые стороной защиты, в ходе предварительного расследования ощутимой процессуальной экономии можно добиться лишь за счет сокращения объема работы по собиранию доказательств. Не случайно именно регламентации процесса собирания доказательств посвящено большинство положений ст. 226.5 УПК РФ, носящей название «Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме».

Как название, так и содержание ст. 226.5 УПК РФ указывают на то, что в ней сосредоточены нормативные положения, применение которых в процессе доказывания призвано придать дознанию сокращенный характер, то есть обеспечить искомую процессуальную экономию. В связи с этим норма части первой данной статьи может быть истолкована в том смысле, что в отличие от иных форм расследования, предполагающих установление всех обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), в ходе сокращенного дознания достаточно установить лишь событие преступления, характер и размер причиненного им вреда, а также виновность лица в совершении преступления. Если именно так понимать рассматриваемое положение, его применение на практике действительно обеспечило бы ощутимую процессуальную экономию, однако процессуальная форма при этом утратила бы свою эффективность в силу возникающих в связи с этим серьезных препятствий для установления истины по делу.

Вообще, понять замысел законодателя, включившего в закон положение ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, довольно сложно. С одной стороны, возможно, он действительно имел в виду сокращение предмета доказывания по уголовным делам, расследуемым в порядке, предусмотренном главой 32.1 УПК РФ. На это косвенно указывает положение подп. «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ, предписывающее прокурору направлять уголовное дело дознавателю

для производства дознания в общем порядке лишь тогда, когда собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления. Форм реагирования прокурором на неустановление иных обстоятельств предмета доказывания закон не предусматривает. С другой стороны, согласно ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ в обвинительном постановлении дознаватель обязан указать обстоятельства, перечисленные в п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, то есть те же сведения, что и в обвинительном акте. Чтобы выполнить это требование, дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме должен установить тот же круг обстоятельств, что и при производстве дознания в общем порядке, поскольку в обвинительном акте (а значит, и в обвинительном постановлении), помимо прочего, должны указываться: данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и данные о потерпевшем (п. 3, 4, 7, 8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Таким образом, чтобы составить обвинительное постановление, дознаватель должен установить круг обстоятельств, более широкий, нежели указанный в ч. 1 ст. 226 УПК РФ.

Толковать положения уголовно-процессуального закона необходимо в соответствии с положениями ст. 2 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ, с которыми несовместим отказ от исследования по каждому уголовному делу тех обстоятельств, которые обеспечивают защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Нельзя допустить и мысль о том, что в ходе сокращенного дознания не требуется выяснять иные перечисленные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства предмета доказывания. Например, отказ от установления обстоятельств, исключających преступность и наказуемость деяния, либо обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, на практике неизбежно приведет к ошибкам в применении норм уголов-

ного права, осуществлению уголовного преследования в отношении лица, невиновного в совершении преступления, и т.д.

Поэтому ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ не может быть истолкована как освобождающее дознавателя от обязанности устанавливать и все иные, помимо перечисленных в ней, обстоятельства предмета доказывания. Соответственно, ни о какой процессуальной экономии за счет сужения перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, при производстве дознания в сокращенной форме говорить не приходится.

Обратимся теперь к норме ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, которая, в отличие от части первой, относящейся к *предмету доказывания*, призвана регламентировать *пределы доказывания*. Данное положение освобождает дознавателя от обязанности производить следственные и иные процессуальные действия в тех случаях, когда такое бездействие не повлечет за собой невосполнимую утрату следов преступления и иных доказательств.

Начнем с того, что следственные действия производятся с целью собирания тех доказательств, которые *требуются* для правильного разрешения уголовного дела. Соответственно, отказаться от получения необходимого для завершения расследования доказательства только потому, что не существует опасности утраты соответствующих следов преступления, дознаватель не вправе. В связи с этим сам вопрос о том, может ли быть утрачено доказательство в случае непроизводства того или иного следственного действия, утрачивает всякое практическое значение. А раз так, то и положение ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ никакого реального влияния на пределы доказывания не оказывает и оказать не может. Не заложено в этой норме и ресурсов для процессуальной экономии. Зачем же законодатель включил эту норму в закон? Думается только с одной целью: чтобы дознаватель, формируя доказательственную базу по делу, всегда имел в виду, что стороны могут в любой момент отказаться от применения дознания в сокращенной форме (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ), а потому собранных им доказательств должно быть достаточно для рассмотрения уголовного дела судом в общем порядке.

Особого внимания заслуживает регламентация полномочий дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме. При этом следует выделить несколько наиболее значимых проблем, снижающих эффективность предварительного расследования в данной форме.

Неопределенность оснований принятия дознавателем решения по ходатайству подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме.

Рассматривая поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель вправе отказать в его удовлетворении «при наличии обстоятельств, *препятствующих* производству дознания в сокращенной форме» (п. 2 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ). В законе не определено, что понимать под такими обстоятельствами, но имеется четкий перечень «обстоятельств, *исключающих* производство дознания в сокращенной форме» (ст. 226.2 УПК РФ). Соответственно, возможны два варианта толкования понятия «обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме».

С одной стороны, можно поставить знак равенства между «обстоятельствами, препятствующими производству дознания в сокращенной форме» и «обстоятельствами, *исключающими* производство дознания в сокращенной форме». Однако в этом случае, рассматривая ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель не сможет учитывать при принятии решения конкретные обстоятельства дела, перспективы установления истины, то есть принимать во внимание *целесообразность* осуществления предварительного расследования именно в данной форме. В случае заявления подозреваемым такого ходатайства дознаватель будет вынужден принимать решение формально, в зависимости от наличия или отсутствия обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ. Даже обоснованные сомнения дознавателя относительно истинности признания подозреваемым своей вины не смогут послужить препятствием для удовлетворения заявленного подозреваемым ходатайства.

Понятно, что полное отсутствие у дознавателя дискреции может повлечь за собой применение сокращенного дознания в тех

случаях, когда данная форма в принципе не способна обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства.

С другой стороны, возможно расширительное толкование понятия «обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме», то есть включение в их перечень не только перечисленных в ст. 226.2 УПК РФ, но и иных обстоятельств, препятствующих, по мнению дознавателя, производству дознания в сокращенной форме. Однако при таком подходе неопределенность рассматриваемого понятия сопряжена с опасностью произвольного разрешения дознавателем ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. В этом случае под угрозой оказываются права и законные интересы подозреваемого.

Выход из сложившегося положения видится в уточнении законодательной регламентации порядка отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. Полагаем, что помимо обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, препятствовать производству дознания в сокращенной форме должны достаточные данные, указывающие на самооговор подозреваемого. В связи с этим целесообразно изложить п. 2 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ в следующей редакции: «об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, указанных в части первой статьи 226.2 настоящего Кодекса, а также при наличии достаточных данных полагать самооговор подозреваемого».

Отсутствие у дознавателя полномочия по собственной инициативе, в дискреционном порядке прекращать производство дознания в сокращенной форме.

Закон четко определяет алгоритм действий прокурора в том случае, если изучая уголовное дело, поступившее к нему с обвинительным постановлением, он придет к выводу о наличии достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого. В этом случае уголовное дело направляется дознавателю для производства дознания в общем порядке (подп. «г» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). А если самооговор заподозрит дознаватель, должно ли прекращаться производство дознания в сокращенной форме? В уголов-

ном процессе, ориентированном на достижение истины, ответ на этот вопрос очевиден. Однако, в законе на этот счет нет никаких предписаний – согласно ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ постановление о производстве дознания в общем порядке выносится лишь при наличии перечисленных в ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, среди которых самооговор не упоминается. Полагаем, что данный пробел в законе следует устранить, дополнив ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ пунктом следующего содержания: «7) при наличии достаточных оснований полагать самооговор подозреваемого».

Полномочия дознавателя в сфере собирания, проверки и оценки доказательств не позволяют охарактеризовать его как самостоятельного субъекта доказывания.

В вопросах собирания и проверки доказательств дознаватель находится в жесткой зависимости от сторон:

1) проверять доказательства он обязан лишь в тех случаях, когда они оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ);

2) допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, он также должен лишь в том случае, когда требуется проверить достоверность доказательств, оспоренных сторонами (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ);

3) сомнения подозреваемого, его защитника, потерпевшего или его представителя в достоверности выводов специалиста влекут обязанность дознавателя назначить по делу судебную экспертизу (подп. «б» п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Обращает на себя внимание, что соответствующие ходатайства сторон являются для дознавателя обязательными – закон не предусматривает возможности их отклонения. Таким образом, дознаватель вынужден в вопросах собирания и проверки доказательств подчиняться усмотрению сторон, тогда как его собственная позиция и выводы относительно достоверности доказательств утрачивают всякое правовое значение. Подобная регламентация нарушает принцип свободы оценки доказательств, ограничивает возможности лица, ведущего уголовное судопроизводство, самостоятельно направлять процесс доказывания, превращает его из

органа предварительного расследования в некоего процессуального «помощника» сторон.

Следует упомянуть о том, что ходатайствовать о производстве следственных и иных процессуальных действий, в том числе с целью проверки доказательств, стороны вправе и в период ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела (п. 2, 3 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ). Причем в этом случае у дознавателя есть право отказать в их удовлетворении (ч. 7 ст. 226.7 УПК РФ). Такое различие в объеме полномочий дознавателя на разных этапах предварительного расследования ничем неоправданно. Как представляется, полномочием отказать в удовлетворении ходатайств сторон, если они признаны необоснованными, дознаватель должен пользоваться и до окончания дознания, в связи с чем уголовно-процессуальный закон нуждается в изменениях.

Отсутствие в законе регламентации порядка и последствий изменения квалификации дознавателем преступления, расследуемого в форме сокращенного дознания.

Прокурор по поступившему к нему с обвинительным постановлением уголовному делу вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ). Очевидно, что с необходимостью изменения квалификации может столкнуться в ходе расследования и дознаватель. Однако, в его распоряжении нет процессуальных средств изменения квалификации – процедура сокращенного дознания задумана таким образом, чтобы единственным актом признания лица подозреваемым выступало постановление о возбуждении уголовного дела. Конечно, можно по аналогии применить положения ст. 223.1 УПК РФ и составить письменное уведомление о подозрении в совершении преступления с указанием новой квалификации (вопрос о том, насколько такой вариант «вписывается» в сокращенное дознание, остается открытым). Но здесь правоприменитель столкнется с другой сложностью: по буквальному смыслу п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ условием производства дознания в сокращенной форме является согласие подозреваемого с правовой оценкой деяния, приве-

денной в постановлении о возбуждении уголовного дела. Если квалификация будет изменена дознавателем, то, следуя буквальному смыслу закона, производство дознания в сокращенной форме придется прекратить:

- если подозреваемый согласится с новой квалификацией, он тем самым выразит несогласие с правовой оценкой, данной в постановлении о возбуждении уголовного дела;

- если же подозреваемый будет оспаривать новую квалификацию, то производство дознания в сокращенной форме тем более невозможно.

В связи с этим представляется очевидной необходимость изменения указанного в п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ условия производства дознания в сокращенной форме, устранив «привязку» квалификации к постановлению о возбуждении уголовного дела. Соответствующую норму следовало бы сформулировать следующим образом: «подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает *правовую оценку, данную совершенному деянию дознавателем*».

Итак, обеспечивает ли предложенная модель дознания реальное сокращение производства и процессуальную экономию? Дать положительный ответ на этот вопрос проблематично.

Как было показано выше, законодатель стремится обеспечить процессуальную экономию за счет освобождения дознавателя от производства тех следственных и процессуальных действий, на проведении которых настаивают стороны. В то же время заявляемые подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем ходатайства о проверке доказательств являются для дознавателя обязательными, что существенно ограничивает его процессуальную самостоятельность.

Законодатель, видимо, упустил из виду, что в отличие от суда, который действительно в состоянии без исследования и проверки доказательств постановить приговор (положившись на результаты досудебного производства), дознаватель, не собрав все необходимые доказательства по делу, закончить дознание не может. «Сэкономить» в процессуальном смысле на отказе от собирания доказательств в ходе предварительного расследования невозмож-

но: дознаватель в любом случае вынужден собирать доказательства в объеме, необходимом для установления истины обстоятельства. Вообще, *сама постановка задачи обеспечить процессуальную экономию за счет процесса доказывания в досудебном производстве, назначение и смысл которого составляет именно выяснение обстоятельств дела и собирание доказательств, представляется внутренне противоречивой.*

Дознаватель поставлен в беспрецедентную зависимость от усмотрения сторон. Причем обязанностью дознавателя выполнять ходатайства сторон, которые фактически приобрели значение указаний, данная зависимость не исчерпывается. Законодатель пошел дальше, вручая сторонам право своеобразного надзора за действиями дознавателя, что выражается в праве подозреваемого, его защитника, потерпевшего и его представителя ходатайствовать о пересоставлении дознавателем обвинительного постановления в случае его несоответствия установленным требованиям (п. 4 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ).

Смогут ли дознаватели в подобных условиях обеспечить реальную процессуальную экономию и при этом сохранить приемлемое качество доказательственной деятельности – вот ключевой вопрос, от ответа на который зависит жизнеспособность новой формы предварительного расследования.

Е.И. Елфимова

ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

В соответствии с изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предварительное расследование в форме дознания может осуществляться как в общей форме, так и в сокращенной форме дознания.

Главной задачей введения сокращенной формы дознания является исключение нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, а также предотвращение необоснованного затягивания сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности¹. Закон устанавливает, что дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток. В связи с этим, возникает множество вопросов о том, насколько введение этой формы дознания обоснованно, и не повлечет ли применение сокращенной формы негативные последствия.

Одним из главных аспектов, подверженным критике, — являются пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Под пределами доказывания понимаются границы, в которых осуществляются собирание, проверка и оценка доказательств на различных стадиях процесса, а также глубина исследования обстоятельств дела и их объем, для обеспечения полного, всестороннего и объективного установления истины по каждому конкретному уголовному делу².

¹ См.: Выступление старшего помощника прокурора Оренбургской области по правовому обеспечению 20 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenprok.ru/> (дата обращения – 17 июня 2013 г.)

² См.: Качалов В.А., Качалова О.В. Уголовно-процессуальное право. М., 2007.

Сокращенная форма дознания значительно ограничивает эти пределы, упрощая и сокращая процесс доказывания.

Сокращенная форма дознания применяется, если лицо признает свою вину. Такая регламентация создает условия для оказания дознавателем психологического давления на лицо, подозреваемое в совершении преступления, предлагая ему обратиться с ходатайством о производстве дознания в сокращенной форме, а его удовлетворение будет способствовать уменьшению наказания. Все это значительно упрощает работу дознавателя.

Доказательства, в соответствии с новой законодательной регламентацией, необходимо собирать в объеме, минимально необходимом для установления события преступления, что, в свою очередь, может повлечь ошибки со стороны правоохранительных органов. В частности, не исключена возможность невозможности утраты следов преступления или иных доказательств, а также бесконечные споры между дознавателем и защитником о допустимости тех или иных доказательств и их пределах.

Норма о том, что дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, может повлечь такие негативные последствия как: попытка ввести в заблуждение, сокрытие иного преступления, сговор сторон. Все это создает серьезные препятствия для достижения объективной истины.

Право дознавателя не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам, также может способствовать неэффективной работе дознавателя. Например, право не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, когда необходимо установить дополнительные фактические обстоятельства, либо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, может повлиять на качество работы дознавателя. Таким образом, изменение

полномочий дознавателя отражается не только на пределах доказывания, и на соблюдении свойства допустимости доказательств.

Другим проблемным аспектом, являются сроки производства сокращенного дознания, которое, как уже было отмечено, должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. В этот срок включается время со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, до дня направления уголовного дела прокурору. Срок сокращенного дознания может быть продлен прокурором до 20 суток. В течение 15 суток, дознаватель должен выяснить, признает ли подозреваемый вину, получить объяснения подозреваемого, установить характер, размер причиненного вреда, установить не страдает ли подозреваемый психическим заболеванием, провести работу с потерпевшей стороной, назначить экспертизы (по необходимости), а затем вынести постановление об удовлетворении или отклонении ходатайства подозреваемого. Если учитывать все эти действия, которые должен выполнить дознаватель, то становится очевидным, что при расследовании дела, могут быть допущены ошибки со стороны дознания, так как становится затруднительным, в столь короткие сроки, тщательно и детально отнестись к доказательствам, к их допустимости и пределам.

Таким образом, изменение полномочий дознавателя, а именно упрощение процесса собирания и проверки доказательств, обязательное назначение экспертиз в ходе проведения сокращенного дознания, может повлечь за собой серьезные последствия, самым опасным из которых является осуждение невиновного. Такой исход уголовного дела несовместим с провозглашенными законодателем в ст. 6 УПК РФ задачами уголовного судопроизводства.

Е.А. Зайцева

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
ОТ 4 МАРТА 2013 Г. № 23-ФЗ
О ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ
И ЭРОЗИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Законодатель «опытным путем» пытается в очередной раз создать работающую модель досудебного производства, которая бы могла отвечать вызовам XXI века, соответствовать потребностям, а также организационным и кадровым возможностям ведомств, в которых сосредоточены следственные подразделения и подразделения дознания. Принятие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – «Федеральный закон № 23-ФЗ») было обусловлено, в том числе, необходимостью дальнейшей дифференциации форм предварительного расследования, что проявилось в дополнении УПК РФ новой главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме». В результате «мартовской модернизации досудебного производства» (а масштабность изменений уголовно-процессуального закона позволяет говорить именно о модернизации), коснувшейся как системы форм предварительного расследования, так и способов осуществления проверочных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, произошло насыщение ч. 1 ст. 144 УПК РФ дополнительными следственными действиями, а также в текст этой статьи были введены новые части 1.1 и 1.2, закрепившие дополнительные гарантии прав лиц, вовлеченных в проверочную деятельность, появилась упрощенная форма дознания, нацеленная на процессуальную экономию временных, материальных и людских ресурсов.

Исходя из сферы научных интересов автора, и с учетом ограниченности объема настоящей публикации, попытаемся проана-

лизировать отдельные новеллы указанного Федерального закона через призму проблем института судебной экспертизы. Первоначальный вариант положений данного закона, представленный как проект «о сокращенном дознании»¹, предусматривал новеллу, которая еще на этапе общественного обсуждения данного законопроекта вызвала негативную реакцию у автора настоящей статьи², как, впрочем, и у многих процессуалистов. Речь шла о некорректном употреблении в тексте законопроекта термина «специалист» в формулировке ч. 1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающей их участие в предварительных исследованиях.

Как мы неоднократно отмечали, с точки зрения уголовно-процессуального закона лица, осуществляющие предварительные исследования и применяющие специальные познания в иных непроцессуальных формах (ревизия, документальные проверки), специалистами в смысле ст. 58 УПК РФ не являются³. Наши доводы созвучны правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в п. 1, 20 Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁴. (Пленум обоснованно подчеркнул, что специалисты в уголовном судопроизводстве исследования не проводят, что при не-

¹ См.: Проект Федерального закона № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. Столичный выпуск. № 5725 (52). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/11/ponyatyie.html> (дата обращения - 20 октября 2012 г.).

² См.: Зайцева Е.А. «Лоскутное одеяло» уголовно-процессуального права // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Россия, г. Волгоград, 13–14 декабря 2012 г. Волгоград, 2012. С. 178-186.

³ См. об этом: Зайцева Е.А., Садовский А.И. Результаты предварительных исследований и их использование в уголовном судопроизводстве // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального стимулирования оперативно-розыскной деятельности: сб. статей. Нижний Новгород, 2010.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. 2010. 30 декабря.

обходимости производства исследований следует назначать судебную экспертизу).

Тем не менее, принятый закон иначе формулирует особенности участия сведущих лиц в проверочных мероприятиях, а также при производстве дознания в сокращенной форме. Буквальное толкование новелл Федерального закона № 23-ФЗ даже при первом приближении приводит к выводу, что некоторые его позиции **в своей совокупности изменили облик современного института сведущих лиц**. Это проявляется в следующих положениях, которые еще предстоит детально проанализировать теоретикам:

1) судебную экспертизу после долгих лет дискуссий ввели в арсенал средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела (положительный аспект Федерального закона № 23-ФЗ); причем принятие решения о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы после проведения первичной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела напрямую зависит от ходатайства потерпевшего или защитника, которое подлежит обязательному удовлетворению;

2) исследования предметов, документов, трупов, как непроцессуальные формы применения специальных познаний сохранены в системе проверочных мероприятий наряду с судебной экспертизой;

3) специалиста наделили правом производства исследований, процессуальная природа которых не ясна, однако результаты которых предписано оформлять «заключением специалиста» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ);

4) дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме получил возможность не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением некоторых случаев, указанных в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

Именно две последние новеллы при всей их внешней «безобидности» вызывают наибольшие опасения за судьбу правового института судебной экспертизы. Их появление связано с введением в арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела судебной экспертизы.

Введение судебной экспертизы в перечень средств процессуальной проверки имело своей целью ликвидировать практику предварительных исследований, отнимавших значительное время и материально-технические ресурсы экспертных подразделений, сотрудники которых вынуждены после возбуждения уголовного дела повторно проводить исследования тех же самых объектов – но уже в рамках судебной экспертизы (по нашим данным, доля «повторности» исследований по ряду экспертиз достигала 56 %).

Казалось бы, появление возможности назначать судебную экспертизу, производить ее и получать заключение эксперта в сроки, обозначенные в законе для проведения проверочных мероприятий – должно было быть воспринято правоприменителями с особым энтузиазмом. Однако, как свидетельствуют результаты мониторинга практики доследственной проверки на примере документооборота ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, за первые 2 недели действия данного положения Федерального закона № 23-ФЗ было назначено не более 5 экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела (судебно-бухгалтерские, криминалистические экспертизы материалов, веществ, изделий – КЭМВИ). В остальных случаях на основании писем руководителей органов дознания и следователей СУ СК РФ по Волгоградской области проводились предварительные исследования, результаты которых сотрудники экспертно-криминалистического центра оформляли согласно требованиям ведомственного приказа от 11 января 2009 г. № 7⁵ – справкой об исследовании.

Согласно этому ведомственному документу, исследования, проводимые сотрудниками экспертных служб в рамках оперативно-розыскной деятельности (п. 39 «Проведение исследований предметов (веществ) и документов по письменным заданиям руководителей (заместителей руководителей) оперативных подразделений»), а также в ходе проверочных мероприятий (п. 55 «Про-

⁵ См.: Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ведение исследований объектов, при проверке сообщений о преступлениях») – являются непроцессуальными исследованиями, а результаты их оформляются «справкой об исследовании» (п. 41, 54.4). Указанные исследования проводятся по большей части в лабораторных условиях в сроки от 5 до 10 суток (предварительные исследования по письменным заданиям руководителей оперативных подразделений и их заместителей), либо до 3 суток (при проверке сообщений о преступлениях) с возможностью продления до 30 суток.

Сотрудники экспертных подразделений, выполняющие эти непроцессуальные исследования, не являются участниками процессуальных отношений, т.к. их деятельность регулируется нормами административного права или оперативно-розыскного законодательства (п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁶). Упоминание в тексте этих нормативных актов термина «специалист» применительно к указанным сведущим лицам не означает наделение их процессуальным статусом специалиста согласно ст. 58 УПК РФ, и не превращает «справку об исследовании» в такой источник доказательств, как «заключение специалиста».

Попытка законодателя «сломать» устоявшуюся практику производства предварительных исследований с оформлением результатов справкой, ввести в стадию возбуждения уголовного дела процессуальный документ – «заключение специалиста», которое, в отличие от справки об исследовании, предусмотрено п. 3.1 ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 80 УПК РФ, пока что не увенчалась успехом. Дело в том, что положения Федерального закона № 23-ФЗ в части «сокращенного дознания» предпосланы, прежде всего, подразделениям дознания органов внутренних дел (с учетом подследственности). Экспертно-криминалистическое обеспечение деятельности органов дознания в системе МВД России осуществляют ве-

⁶ См.: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 ноября 2012 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 6 марта 2013 г.).

домственные экспертно-криминалистические подразделения, которые руководствуются при этом положениями Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России (утверждено приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7). Никаких «заключений специалистов» в качестве итогового документа по результатам исследований (процессуальных или непроцессуальных), осуществляемых сотрудниками экспертных служб органов внутренних дел, не предусмотрено. Ведомственное регулирование устанавливает только два документа, отражающих результаты исследований, – заключение эксперта⁷ и справку об исследовании. При анализе этих новелл «закона о сокращенном дознании» невольно возникает ощущение, что его разработчики не были знакомы не только с учением о сведущих лицах в уголовном судопроизводстве, но и с принципами организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, установленным ведомственными приказами, а их представления об этой деятельности сформированы на основании научно-фантастического сериала «След».

Экспертная практика пока отторгает непродуманные новеллы законодателя. Однако и идея распространения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела не встречает широкой поддержки на местах. В ходе интервьюирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) по вопросу о проведении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела выявлены интересные аспекты, объясняющие осторожность, с которой практики воспринимают это нововведение.

В частности, если сотрудник ЭКП заступает дежурить на сутки в составе следственно-оперативной группы (СОГ),

⁷ См.: Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 15 октября 2012 г.) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») // Российская газета. 2005. 30 августа.

то он должен в течение дежурных суток провести предварительные исследования всех объектов, которые были им обнаружены в ходе различных следственных действий, проведенных с его участием в составе СОГ (речь идет, прежде всего, о баллистических экспертизах, экспертизах холодного оружия, взрывотехнических экспертизах, исследованиях наркотических средств и психотропных веществ в рамках КЭМ-ВИ). Экстремальный режим работы, сжатые сроки исследования – все это чревато ошибками при проведении исследований и формулировании выводов по их результатам. Именно это обстоятельство делает предварительные исследования (а не судебные экспертизы) привлекательными для сотрудников ЭКП, т.к. исследования априори – «предварительные», ответственность за их результаты не предусмотрена (в отличие от судебной экспертизы, где за дачу заведомо ложного заключения грозит уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ). Назначаемые в дальнейшем после возбуждения уголовного дела судебные экспертизы позволяют исправить неточности, допущенные в справках об исследовании, то есть они выступают в роли своеобразной «работы над ошибками». Таким образом, судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела становятся «не выгодным» следственным действием для сотрудников ЭКП, т.к. провести качественную судебную экспертизу в течение дежурных суток зачастую физически невозможно. А изменить устоявшуюся практику проведения исследований в рамках дежурных суток – процесс сложный, потому что эта практика обусловлена приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел. Таким образом, инертность экспертно-криминалистической и следственной практики пока сдерживает широкое применение положительных новелл Федерального закона № 23-ФЗ.

Что касается системной ошибки разработчиков «закона о сокращенном дознании», которые полагают возможным признавать специалистами (субъектами уголовно-процессуальных отношений в контексте ст. 58 УПК РФ) сведущих лиц, участвующих в проверочных мероприятиях, то эти нововведения, если

будут восприняты практикой, чреваты серьезными последствиями для всего института сведущих лиц, т.к. они способствуют разрушению устоявшихся связей компонентов данного правового института.

С учетом буквального толкования положений ч. 3 ст. 80 УПК РФ, исходя из руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, специалисты (участники уголовного процесса в смысле ст. 58 УПК РФ) исследований в рамках уголовного судопроизводства проводить не должны. На это прямо указал Пленум в п. 1, 20 Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Правовая позиция Пленума по этой проблеме основывается на анализе многолетней практики привлечения сведущих лиц к производству по уголовным делам. Изначально, в период становления института сведущих лиц, законодательство России пошло по особому пути – по пути дифференциации форм использования специальных знаний. Как верно отметил профессор В.Н. Махов, «еще в дореволюционной России в определенной мере были заложены теоретические основы для самостоятельного, отличного от уголовного процесса стран Запада, пути развития в уголовном процессе нашей страны института сведущих лиц. Его характерными чертами стали узкое понимание экспертизы, заключения эксперта, отграничение экспертизы от участия специалистов в следственных действиях и допросах сведущих лиц»⁸.

Процессы дифференциации процессуальных форм использования специальных знаний привели к четкому размежеванию процессуальных функций специалиста и эксперта. Если нужно проводить в уголовном судопроизводстве исследование – назначается судебная экспертиза, если исследования не требуется – достаточно обратиться за консультационной помощью к специалисту, который изложит свое мнение устно на допросе или письменно в виде «заключения специалиста». Это правило подтвердил в своих рекомендациях, изложенных в Постановлении от 21 декабря 2010 г.

⁸ См.: Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 24.

№ 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», Пленум Верховного Суда РФ.

Сравнение данных положений в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства показывает обоснованность и устойчивость подобной практики. Так ст. 188 ГПК РФ, именуемая «Консультация специалиста» предусматривает ряд аналогичных установлений: 1) суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений; 2) специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, **без проведения специальных исследований**, назначаемых на основании определения суда; 3) консультация специалиста, данная в письменной форме, оглашается в судебном заседании и приобщается к делу; 4) консультации и пояснения специалиста, данные в устной форме, заносятся в протокол судебного заседания. Аналогичные положения закреплены и в ст. 87.1 АПК РФ «Консультация специалиста» – «Консультация дается в устной форме **без проведения специальных исследований**, назначаемых на основании определения суда».

Таким образом, у разработчиков Федерального закона № 23-ФЗ не было никаких оснований для ломки устоявшейся системы уголовно-процессуальных отношений, которая четко разграничивала случаи участия в деле специалистов и экспертов. Эти различия обеспечивали «чистоту» процессуальных институтов специалиста и судебной экспертизы, создавая режим оптимального нормативного регулирования привлечения сведущих лиц к производству по уголовному делу. Среди этих различий принципиальное значение имело производство исследований в уголовном процессе только экспертом, и, соответственно, запрет на процессуальные исследования специалистом – оно отражало сущность процессуальной помощи специалиста и цели его участия в уголовном деле.

К чему приводит теперь нормативное регулирование, предусмотренное «законом о сокращенном дознании»? **Между экспертом и специалистом нивелируется сущностное отличие** (в части производства исследований и остаются отличия

только формального плана). Является ли это основанием для существования самостоятельных процессуальных фигур – эксперта и специалиста, если оба теперь приглашаются для производства исследований, результаты которых достаточны для обоснования процессуальных решений? Зачем вообще нужен тогда судебный эксперт и судебная экспертиза, как процессуальное действие с особо усложненной формой? Может быть, достаточно исследований, проводимых специалистом, который не несет никакой ответственности за результат. Тем более, что получение заключения специалиста никаким образом не обременяет дознавателя в плане создания условий для обеспечения прав заинтересованных в деле лиц.

Представляется, что вышеизложенные конструкции с проведением исследования специалистом противоречат не только традициям отечественного уголовно-процессуального законодательства, но и основным законам диалектики. Если допустить возможность производства исследований специалистами в ходе досудебного и судебного производства, то следователи, дознаватели и судьи перестанут назначать экспертизы, обращаясь всякий раз, когда возникнет потребность в специальных познаниях, к специалисту. А назначать экспертизу они будут только в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 196 УПК РФ), т.к. процедура назначения экспертизы предусматривает выполнение целого комплекса процессуальных действий, чего совершенно не требуется при привлечении специалиста⁹.

Таким образом, новеллы «закона о сокращенном дознании» фактически ведут к затушевыванию различий между экспертом и специалистом, к размыванию границ процессуальных институтов судебной экспертизы и специалиста, и в итоге – **к эрозии правового института судебной экспертизы.**

Полагаем, для сохранения «статуса кво» требуется **исключить:**

1) из ч. 1 и ч. 3 ст. 144 УПК РФ упоминание о возможности проведения специалистами исследований;

⁹ Об этой опасности мы писали еще в 2006 г. (см.: Зайцева Е.А. К вопросу о заключении специалиста // Уголовное право. 2006. № 4).

2) из ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ – пункт 3, позволяющий манипулировать со справками об исследовании и препятствующий широкому внедрению судебной экспертизы в стадию возбуждения уголовного дела.

Это позволит сохранить чистоту процессуальных институтов судебной экспертизы и специалистов, и целостность правового института сведущих лиц в уголовном судопроизводстве, даст возможность в полной мере использовать арсенал судебной экспертизы в качестве проверочного мероприятия.

К ВОПРОСУ СООТВЕТСТВИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ПРИНЦИПАМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Появление в российском уголовно-процессуальном праве дознания в сокращенной форме является воплощением уголовной политики государства. Поэтому официальные представители правоохранительных органов, в основном, видят только положительные стороны этой новеллы. Так, пресс-службы Президента России, указывает на то, что сокращенный порядок дознания позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности¹; на официальном сайте Прокуратуры Оренбургской области в рубрике «прокурор разъясняет» говорится, что введение нового вида дознания в сокращенной форме является очередным шагом к повышению эффективности работы правоохранительных органов².

Однако высказываются и иная позиция по отношению к дознанию в сокращенной форме. Например, управляющий партнер адвокатской компании «Забейда, Касаткин, Саушкин и партнеры» Александр Забейда, считает, что государство не желает обременять себя доказательством вины подсудимого и компенсирует это сокращением срока наказания³.

¹ См.: По некоторым уголовным делам дознание будет проводиться в сокращенной форме. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/news/460765/> (дата обращения – 29 апреля 2013 г.).

² См.: О новом виде дознания в сокращенной форме. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenprok.ru/interaction/prok-explains/2013/03/26/mar13-5/> (дата обращения – 29 апреля 2013 г.).

³ См.: Новый закон о дознании в сокращенной форме принят Госдумой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/71680/3/> (дата обращения – 29 апреля 2013 г.).

Причины неоднозначных суждений следует искать в юридической природе дознания как формы предварительного расследования, которая известна отечественному уголовно-процессуальному законодательству достаточно длительное время. Выбирая для сравнения УПК РСФСР 1960 г. можно отметить, что в нем дознание мало чем отличалось от предварительного следствия. Разница, в основном, была только в сроках (30 суток) и расследуемых составах преступлений, перечень которых был незначителен.

При разработке УПК РФ законодатель обратился к проблеме эффективности производства дознания. Правоприменители в первую очередь обратили внимание на изменившиеся черты дознания, которые предусматривались в УПК 2001 г., а именно производство дознания в отношении конкретного лица и расширившийся перечень составов преступлений. Кроме того, реализуя принцип разумного срока уголовного судопроизводства (закрепленного в настоящее время в ст. 6.1 УПК РФ) срок дознания был ограничен 15 сутками. Логика законодателя понятна и рациональность ее очевидна. Дознание виделась им как упрощенная (ускоренная) форма предварительного расследования. Действительно, при установлении лица, совершившего преступление, расследование по которому не предполагает большого объема следственных действий для доказывания причастности к нему этого лица дознание может быть произведено за 15 суток. Однако реалии правоприменительной практики не позволили исполнить предписания закона. Расширившийся перечень составов преступлений, по которым проводится дознание, привел к увеличению количества уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей. Поэтому спустя совсем незначительное время после вступления в силу УПК РФ, Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ⁴ срок дознания был установлен в 20 суток, а в настоящее время в

⁴ См.: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. №92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. №27 (ч. 1). Ст. 2706.

соответствии с Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ⁵ равняется 30 суткам. В увеличении сроков дознания видится как бы отступление законодателя от тех первооснов, которые были провозглашены в 2001 г. Поэтому при попытке «сохранить лицо», появилось дознание в сокращенном виде, производимое в 15 суточный срок, назначением которого является упрощение упрощенной формы предварительного расследования.

При производстве дознания в этом виде дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Также он вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные фактические обстоятельства, либо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

При производстве дознания в сокращенной форме не обязательно назначение судебной экспертизы по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста, за исключением необходимости установления дополнительных фактических обстоятельств, проверки выводов специалиста, поставленных под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, а также в случаях, когда УПК РФ предусмотрено обязательное назначение судебной экспертизы.

Кроме этого, дознаватель вправе не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам.

Судебное производство по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, осуществляется в особом порядке без проведения судебного разбирательства.

⁵ См.: Федеральный закон от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 9 июня.

Вышеуказанные новеллы, действительно, позволят упростить производства дознания, но их применение ставит под вопрос реализацию отдельных принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в главе 2 УПК РФ.

В ст. 226.3 УПК РФ декларируется то, что участники уголовного судопроизводства по уголовному делу, дознание по которому производится в сокращенной форме, имеют те же права и обязанности, что и участники уголовного судопроизводства по уголовному делу, дознание по которому производится в общем порядке. В то же время, знакомясь со ст. 226.1 УПК РФ, предусматривающей условия, при наличии которых дознание осуществляется в сокращенной форме, возникает вопрос не только о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ – Назначение уголовного судопроизводства), но и принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), а также принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Приобрести судимость для лица становится намного проще – нужно только признать свою вину, поскольку дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены.

В результате анализа положений главы 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме» напрашивается вывод о том, что законодателем предпринята попытка решить проблемы организационного характера, возникающие при производстве дознания уголовно-процессуальными средствами. При этом следует констатировать, что при производстве дознания в сокращенной форме из всей системы принципов уголовного судопроизводства в полной мере реализуется только принцип разумного срока, который главенствуют над остальными, – назначения уголовного судопроизводства, презумпции невиновности, свободы оценки доказательств.

О том, насколько эффективно дознание в сокращенной форме и в какой мере оно способно реализовать интересы участников уголовного процесса, можно будет судить только с появлением судебной статистики обжалования приговоров, которые вынесены в особом порядке после проведения дознания в сокращенной форме.

**ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДОЗНАВАТЕЛЯ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

Процессуальная самостоятельность субъектов доказывания является одним из важных условий выполнения ими своих должностных обязанностей. Под процессуальной самостоятельностью следует понимать независимость субъекта при принятии им решений и выполнении процессуальных действий в связи с производством по уголовному делу. Процессуальная самостоятельность характеризует компетенцию следователя или дознавателя, круг полномочий и действий, которые указанные лица вправе осуществлять самостоятельно, по внутреннему убеждению, их независимость в выборе методов и средств на стадии предварительного расследования.

Введенный в юридический оборот новым уголовно-процессуальным законом термин «дознаватель» (в ранее действовавшем УПК РСФСР – лицо, производящее дознание), законодателем был определен как должностное лицо органа дознания, правомочное или уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 7 ст. 5).

Процессуальное положение дознавателя при производстве расследования во многом совпадает со статусом следователя. Существуют и отличительные черты, одной из которых является степень процессуальной самостоятельности лиц, производящих расследование.

Действующий УПК РФ не содержит понятия процессуальной самостоятельности дознавателя, однако представление о ней можно составить из анализа норм процессуального закона. Так,

п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ устанавливает, что дознаватель уполномочен самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ на это требуется согласие начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение. Дознаватель имеет право: при проверке сообщения о преступлении требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); ходатайствовать о продлении срока проверки сообщения о преступлении до 10 суток, а в отдельных случаях – до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ); применять меры процессуального принуждения (главы 12-14 УПК РФ); принимать процессуальные решения, предусмотренные УПК РФ (ч. 3 ст. 41 УПК РФ) и др.

Указания прокурора и начальника органа дознания, данные в соответствии с требованиями УПК РФ, обязательны для дознавателя (ч. 4 ст. 41 УПК РФ). В случае несогласия дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания – прокурору, а указания прокурора – вышестоящему прокурору. Но при этом их обжалование не приостанавливает действия данных указаний. Такой порядок связан с ограниченностью в сроках и непродуктивностью приостановления исполнения данных указаний¹.

Отдельные авторы отмечают, что статус дознавателя в связи принятием УПК РФ изменился в позитивном направлении: «Из лица, почти полностью подчиненного начальнику органа дознания, по существу, бывшего исполнителя его волеизъявлений, наделенного свободой действий лишь при принятии частных решений по собиранию доказательств, он трансформировался в самостоятельного субъекта, «достойного» участвовать со своим ру-

¹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. Отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. М., 2012. С. 143.

ководителем в процессуальных отношениях»². Такое утверждение, на наш взгляд, представляется несколько преувеличенным.

Представление о процессуальной самостоятельности дознавателя можно также получить из анализа полномочий прокурора. Закон (ч. 2 ст. 37 УПК РФ) устанавливает, что прокурор уполномочен давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий. Согласие прокурора требуется для производства целого ряда процессуальных действий.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в уголовное судопроизводство была введена новая форма предварительного расследования – дознания в сокращенной форме. В пояснительной записке к закону указывается, что сокращенный порядок дознания направлен на исключение нерационального расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованного затягивания сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения³.

Решение о производстве дознания в сокращенной форме находится в зависимости от волеизъявления подозреваемого, который вправе заявить соответствующее ходатайство. Вместе с тем, требуется соблюдение ряда условий: уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица; подозреваемый должен признать свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривать правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела; не

² Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Омск, 2009. С. 10.

³ См.: Президент внес в Госдуму законопроект, направленный на совершенствование положений уголовно-процессуального законодательства. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/документы/14731> (дата обращения – 10 апреля 2013 г.).

должно быть обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ).

При производстве дознания в сокращенной форме, обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено обвинительное постановление (п. 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Обвинительное постановление подписывается дознавателем и утверждается начальником органа дознания (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ).

По поступившему с обвинительным постановлением уголовному делу, прокурор принимает одно из следующих решений: об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд; о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления, в случае несоответствия требованиям; о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Таким образом, самостоятельность дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме ограничена инициативой подозреваемого (диспозитивное право), наличием определенных условий, а также процессуальными действиями начальника органа дознания и прокурора.

В отношении процессуальной роли подозреваемого можно заключить, что он должен быть заинтересован в выборе именно этой формы дознания, поскольку она существенно влияет на размер назначаемого наказания (в соответствии с ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ, назначенное наказание в случае постановления обвинительного приговора не может превышать одну вторую максимально-го срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение преступления).

В связи с обеспечением надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия, расследование по уголовному делу не может считаться законченным без проверки прокурором его полноты, объективности, всесторонности. Следует отметить, что прокурор, в соответствии с ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ может значительно повлиять на окончательные выводы, сформулированные дознавателем: он вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо пере kvalифицировать обвинение на менее тяжкое.

По смыслу закона, прокурор указанные действия может осуществлять, не ставя дознавателя об этом в известность. По этому вопросу в науке встречаются обоснованные предложения о том, чтобы прокурор направлял копию постановления с указанием неточностей дознавателю, с целью предотвращения последним подобных ошибок⁴.

В связи с изложенным, думается, что процессуальная самостоятельность дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме существенно ограничена в сравнении с дознанием, производимым в общем порядке. Объяснить это можно, пожалуй, тем, что сокращенная форма дознания требует от дознавателя меньше служебных усилий в процессе доказывания, а также ее обусловленностью экономией времени. Поиск необходимых доказательств определяется требованием минимально достаточного объема. Вместе с тем, учитывая равные возможности в процессе доказывания следователя и дознавателя, а также же общность стоящих перед ними задач, на наш взгляд, недопустимо постоянно уменьшать процессуальную самостоятельность дознавателя. Концепция судебной реформы РФ устанавливала, что «... в грядущих реформах должно быть обеспечено... верховенство юстиции над администрацией, преобладание внутреннего убеждения над приказом начальства, введение в ткань правоотношения личности вместо механического исполнителя»⁵. Думается, что эти начала должны проецироваться и на деятельность дознавателя.

⁴ См.: Гредягин И.В. Проблемы процессуальной самостоятельности дознавателя при уведомлении о подозрении в совершении преступления и окончании дознания // Общество и право. 2011. № 2. С. 219–222.

⁵ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 65.

**ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ:
ПОЧЕМУ ОРГАНАМ ДОЗНАНИЯ И СУДУ
МОЖНО НЕ ИССЛЕДОВАТЬ
ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАССМОТРЕНИИ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА?**

На первый взгляд ответ очевиден: потому что делать это им позволяет закон. Однако, думается, в связи с поставленным неизбежен новый вопрос: а почему закон позволяет органам дознания и суду не исследовать доказательства по уголовному делу должным образом?

Названные вопросы вытекают из анализа положений Федерального закона Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым УПК РФ дополнен главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме». То есть *законодатель произвел определенную очередную дифференциацию уголовного судопроизводства, установив порядок ускоренного производства в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ*. И здесь возникает еще один вопрос: а следовало ли дополнять УПК РФ данной главой?

Отмеченные вопросы имеют прямое отношение к сущности, значению и проблемам уголовно-процессуальной формы, к ее дифференциации. Еще в 1980 году известные ученые-процессуалисты Н.С. Алексеев, В.Г. Даев и Л.Д. Кокорев указывали на то обстоятельство, что проблемы уголовно-процессуальной формы рассматривались в многочисленных работах, причем им посвящались и специальные иссле-

дования¹. Разработка этих проблем продолжилась и в дальнейшем, ведется она и в настоящее время².

Если обратиться к исследованию понятия процессуальной формы, то отметим, что разные авторы определяют ее содержание во многом одинаково.

Так, по мнению М.С. Строговича, под *процессуальной формой* надлежит понимать совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел. А также для совершения гражданами, участвующими в производстве по делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности³.

И.Л. Петрухин считал, что *уголовно-процессуальная форма* – это установленный законом регламент расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах⁴.

М.Л. Якуб определил *процессуальную форму* как правовую форму деятельности суда, органов расследования и прокурорского надзора по возбуждению уголовных дел, их расследованию и разрешению, а также участников процесса и иных лиц, привлеченных к делу в том или ином качестве, и отношений, связанных с этой деятельностью. Процессуальная форма (процессуальный порядок), отметил он, создает детально урегулированный устойчивый юридически определенный, строго обязательный, стабильный право-

¹ См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Монография. Воронеж, 1980. С. 31.

² См.: например: Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981; Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003; Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 97-102 и др.

³ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 51.

⁴ См.: Петрухин И.Л. Понятие и значение процессуальной формы уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальное право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2006. С. 7.

вой режим производства по уголовным делам. Причем закон определяет порядок процесса в целом и каждой его стадии ⁵.

Но что касается вопроса о дифференциации процессуальной формы, то здесь одинаковое понимание у авторов отсутствует.

По обоснованному мнению Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева, проблемы процессуальной формы наиболее остро ставятся в связи с вопросом о дифференциации процесса. Дифференциация, полагали они, осуществляется в основном по двум направлениям: 1) установлению дополнительных гарантий законности по отдельным категориям уголовных дел (дела о преступлениях несовершеннолетних, лиц, страдающих психическими или физическими недостатками и т. д.); 2) упрощению некоторых процессуальных форм для дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Дифференциация процесса в зависимости от характера правонарушения имеет как сторонников, так и противников ⁶.

Активным сторонником *единства* уголовного процесса выступал М.С. Строгович, единство порядка судопроизводства во всех звеньях судебной системы и для всех уголовных дел, единство процессуальных форм. В то же время М.С. Строгович признавал, что в историческом развитии советского уголовного процесса иногда допускались отступления от общего и единого порядка уголовного процесса. Но развитие все время шло в направлении сужения и устранения этих изъятий, упразднения особых процессуальных форм для отдельных звеньев судебной системы и для всех отдельных категорий уголовных дел, пока не установилось полное единство уголовного процесса ⁷.

Взгляд М.С. Строговича о необходимости сохранения единой уголовно-процессуальной формы по всем уголовным делам является, по нашему мнению, во многом выстраданным, определенным завещанием коллегам-процессуалистам и практическим работникам. Объясняется это тем, что в различные годы совет-

⁵ См.: Якуб М.Л. Указ. соч. С. 8–9.

⁶ См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Указ. соч. С. 33.

⁷ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 65.

ского периода истории России некоторые уголовные дела оказывались «подсудными» несудебным органам, да и сами дела порой просто фабриковались.

Например, в апреле 1927 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право «рассматривать во внесудебном порядке, вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела по диверсиям, поджогам, порче машинных установок как со злым умыслом, также и без оного».

10 июля 1934 г. ОГПУ было реорганизовано в НКВД СССР и вместо прежней коллегии ОГПУ было создано особое совещание. Согласно Положению об особом совещании при НКВД СССР от 5 ноября 1934 г. в его состав вводился прокурор СССР или его заместитель. Впоследствии особые совещания действовали при Министре госбезопасности СССР и Министре внутренних дел СССР.

Для применения репрессий особые совещания обходились без заслушивания показаний обвиняемого и обеспечения ему каких-либо прав на защиту. Достаточно было анонимки, доноса, показаний секретных сотрудников – всего того, что по праву невозможно считать доказательствами. «Дела, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в суде, – указывала директива Прокуратуры СССР 1935 г., – направлять для рассмотрения Особым совещанием НКВД СССР».

Оперативность и быстроту репрессий обеспечивали не только особые совещания, но и «тройки» в составе начальника управления НКВД области, первого секретаря областного комитета партии и прокурора области. В 1937 г. Сталин распорядился о создании особых «троек», которым предоставлялось «право» приговаривать к расстрелу и тюремному заключению на 10 лет троцкистов, шпионов и других лиц. В тройку входили: председатель – начальник УНКВД области и члены – первый секретарь областного комитета партии и председатель облисполкома. Для тройки выделялся «лимит». Например, в Иванове особая тройка могла без суда и следствия расстрелять полторы тысячи человек. Действовали также «двойки», спецколлегии и спецприсутствия. Только за один день 18 октября 1937 г. «двойка» в составе Ежова и Вышинского

«рассмотрела» материалы в отношении 551 человека и всех их приговорила к смертной казни⁸.

С учетом приведенных даже небольших данных о некоторых «методах» расследования и разрешения уголовных дел в период тоталитарного режима, представляется понятной позиция М.С. Строговича и разделяющих ее ученых за судьбу пострадавшего «единого» уголовного процесса, который в основном был создан УПК РСФСР 1960 года. Эта позиция базируется на определенном историческом опыте нашего государства, их тревоге о перспективах единства уголовного процесса, как гарантии обеспечения прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Одновременно следует отметить, что имеется немало сторонников дифференциации уголовного судопроизводства. Дифференциация форм уголовного судопроизводства в Концепции судебной реформы в Российской Федерации названа в числе ключевых⁹. А.А. Тарасов и Н.А. Развейкина полагают, что единство уголовно-процессуальной формы вовсе не исключает ее дифференциации, идея которой отталкивается именно от единства. Всякая дифференциация производна от обычной (унифицированной) формы¹⁰.

В рамках настоящей статьи нет необходимости подробно останавливаться на анализе всех аспектов ведущейся в науке полемики по вопросам о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы. Но одновременно полагаем, что при проведении дифференциации необходимо учитывать выработанные наукой и практикой определенные требования к процессуальной форме и ее дифференциации.

⁸ Приведенные данные изложены Ю.И. Стецовским в книге: Истина... И только истина! Пять бесед о судебно-правовой реформе. М., 1990. С. 28–30.

⁹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 85–86.

¹⁰ См.: Тарасов А.А., Развейкина Н.А. Проблемы единства и дифференциации процессуальной формы осуществления правосудия // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., 2012. С. 339.

По мнению М.Л. Якуба, процессуальная форма должна быть *целесообразна*. Процессуальная форма должна обеспечивать эффективность судопроизводства, как успешное осуществление интересов борьбы с преступностью, так и ограждение прав и законных интересов личности. Закон, определяя задачи уголовного процесса, устанавливает процессуальные формы в соответствии с этими задачами. Процессуальные формы должны создавать оптимальные условия для осуществления этих задач и вытекающих из них требований, предъявляемых законом к следственной и судебной деятельности, содержать надежные, безупречные гарантии¹¹.

Н.С. Алексеев, В.Г. Даев и Л.Д. Кокорев отметили: «введение каких-либо форм ускоренного процесса должно сопровождаться усилением гарантий, обеспечивающих успешное отправление правосудия»¹².

Как представляется, основными требованиями к дифференциации являются: 1) правильное определение ее оснований и целей; 2) не нарушение предусмотренных соответствующими международными правовыми актами, Конституцией РФ и УПК РФ прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство; 3) чтобы был сохранен общий единый порядок судебного разбирательства уголовных дел.

С учетом приведенных требований к процессуальным формам и рассмотрим сущность дознания в сокращенной форме, введенного в российский уголовный процесс названным выше федеральным законом.

В первую очередь обратимся к *сроку дознания в сокращенной форме*. Частью 1 ст. 226.6 УПК РФ определено, что такое дознание должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением. Но если учесть положение ч. 2 и п. 1 ч. 3 ст. 326.4 УПК РФ, то практически со дня

¹¹ См.: Якуб М.Л. Указ. соч. С. 20-21.

¹² См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Указ. соч. С. 36.

вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и первого допроса подозреваемого до окончания расследования может пройти 18 суток.

Необходимо также отметить, что поступившее к нему с обвинительным постановлением уголовное дело прокурор рассматривает в течение 3 суток, причем он может вернуть уголовное дело для составления нового обвинительного постановления, устанавливая для этого срок не более 2 суток (ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). То есть можно прибавить еще 5 суток. Но если учитывать право прокурора продлять срок сокращенного дознания до 20 суток, то с учетом выше изложенного срок сокращенного дознания практически равен сроку обычного дознания в 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ).

Думается, что сокращенное дознание отрицательно отразится на решении задач уголовного судопроизводства, в том числе на задаче охраны прав и свобод человека и гражданина. Установление объективной истины по делу вообще не является целью производства дознания в сокращенной форме. Проиграет суд: правосудие из-за особенностей судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, как таковое, практически невозможно. Не выиграют и органы дознания: производимое ими расследование «в сокращенной форме» представляет собой суррогат расследования уголовных дел.

Постараюсь кратко обосновать приведенные выводы.

Пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме необоснованно сужены: дознаватель не обязан устанавливать все обстоятельства, названные в ст. 73 УПК РФ. Он должен собирать доказательства лишь «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей» (ч.1 ст. 226.5 УПК РФ).

Что же это за «особенности». По сравнению со ст. 73 УПК РФ дознаватель в процессе расследования освобождается, например, от установления обстоятельств, исключающих преступность деяния, обстоятельств, которые могут повлечь за собой ос-

вобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность (п. 5, 6 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Пункт 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ требует устанавливать форму вины лица, виновного в совершении преступления, а также мотивы. Часть 2 ст. 73 УПК РФ обязывает выявлять при производстве по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления по уголовному делу.

Здесь позволительно спросить у законодателя: почему названные законом обстоятельства не следует устанавливать при производстве сокращенного дознания? Одновременно можно отметить тот факт, что в обвинительном постановлении дознаватель должен указать обстоятельства, перечисленные в п. 1-8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). А п. 7 ст. 225 УПК РФ требует указать «обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание», п. 4 обязывает указать мотивы и цели совершенного преступления. Так как же дознавателю выполнить названные предписания закона, если при проведении дознания в сокращенной форме от дознавателя не требуется их устанавливать? Даже при имевшей место в соответствии с УПК РСФСР 1960 года протокольной форме досудебной подготовке материалов в 10-дневный срок закон не предусматривал изъятия для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В.И. Басков писал: «Правила содержащиеся в ст. 68 УПК РСФСР о предмете и пределах доказывания распространяются и на производство досудебной подготовки материалов по протокольной форме»¹³.

К минусам сокращенного дознания следует отнести отсутствие в нем указания на проверку имеющихся в деле доказательств по инициативе самого дознавателя (способы проверки названы в ст. 87 УПК РФ).

Нарушается право подозреваемого на защиту. Одним из условий для производства дознания в сокращенной форме является тот факт, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает

¹³ См.: Басков В.И. Протокольная форма досудебной подготовки материалов. М., 1989. С. 53.

оценку дознания, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ).

Представляется очевидным, что дать правильную юридическую оценку приведенным выше обстоятельствам подозреваемый сможет лишь при помощи защитника. О наличии условий для проведения дознания в сокращенной форме и своем праве ходатайствовать о таком дознании, подозреваемый узнает лишь на допросе в качестве подозреваемого, о чем в протоколе допроса делается отметка. Заявить указанное ходатайство подозреваемый *вправе не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить ходатайство*. И только с момента заявления ходатайства («не позднее двух суток») подозреваемого о производстве по уголовному делу в порядке, установленном главой 32.1 УПК РФ, в дело вступает защитник (ч. 2 ст. 51 УПК РФ). Не слишком ли поздно? Здесь вполне уместно привести опасения И.Л. Петрухина, высказанные им применительно к производству в порядке главы 40 УПК РФ при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: «всегда существует риск осуждения невиновного. Подсудимый (в нашем случае подозреваемый – А.К.) руководствуясь различными соображениями, может принять на себя чужую вину. Наиболее опасен *самооговор*, вызванный уговорами, ложными обещаниями, угрозами и другими незаконными действиями следователя»¹⁴.

На возможность самооговора не влияет, по нашему мнению, тот факт, что ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме должно быть подписано также его защитником (ч. 1 и 2 ст. 226.4 УПК РФ). Здесь необходимо учитывать следующее: во-первых, Федеральный закон от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрещает адвокату занимать по делу позицию вопреки воле доверителя (п. 3 ч. 4 ст. 6). Эта «воля» подозреваемого могла сложиться под воздействием на него вышеприведенных незаконных методов воздействия и по этой причине подозреваемого

¹⁴ См.: Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 2. М., 2005. С. 105.

переубедить порой становится невозможно. Во-вторых, приведенный закон дает адвокату право занять позицию по делу и вопреки воле доверителя, если адвокат убежден в наличии самооговора доверителя. Но при этом нельзя не учитывать то обстоятельство, что подозреваемый (обвиняемый) имеет право отказаться от защитника в любой момент производства по делу (ч. 1 ст. 52 УПК РФ) и тогда защитник не получит соответствующий гонорар. При производстве дознания в сокращенной форме в течение установленного законом срока дознаватель имеет право использовать различные доказательства, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении. Поскольку *дознание в сокращенной форме предполагает ускорение производства по уголовному делу, то мы не можем, хотя бы кратко, не обратиться к сущности названной проверки, к срокам и способам проверки*. Такую проверку еще называют «доследственной».

По мнению авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации, положения которой официально не изменялись и не дополнялись, демократической направленности предлагаемых в ней преобразований не соответствует доследственная проверка заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела, которая является не чем иным, как «суррогатом расследования», способным иногда предрешить исход дела¹⁵.

Нужно отметить, что в юридической литературе уже длительное время обсуждается *вопрос: а нужна ли вообще проверка поступившего сообщения о преступлении?* Может, более целесообразно не тратить на нее время, а сразу возбуждать уголовное дело и проводить полноценное расследование, по итогам которого и принять соответствующее решение?¹⁶

Правильный ответ на эти вопросы можно дать лишь на основе рассмотрения круга действий, выполняемых в ходе

¹⁵ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 88.

¹⁶ См. об этом подробнее: Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6.

проверки, и времени, даваемого на их проведение. В настоящее время перечень указанных действий *существенно расширен*, причем тем же федеральным законом от 4 марта 2013 года, которым УПК РФ дополнен главой 32¹, регулирующей производство дознания в сокращенной форме.

При решении вопроса о необходимости проверки сообщения о преступлении необходимо учесть и тот факт, что этим же законом ст. 144 УПК РФ дополнена новыми частями – 1.1 и 1.2.

Частью 1.1 ст. 144 УПК РФ установлено, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности. Им обеспечивается, в том числе, право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. Они вправе также пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

А в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ говорится о том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств, при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ начальник органа дознания по мотивированному ходатайству дознавателя вправе продлить срок проверки до 10 суток, а прокурор до 30 суток.

Как представляется, *после приведенных изменений и дополнений в ст. 144 УПК РФ, вряд ли сторонники проверки сообщений о преступлениях станут отрицать, что она представляет собой самое настоящее предварительное расследования, причем с участием адвоката и другими соответ-*

ствующими атрибутами. Практически лишь остается по некоторым уголовным делам вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявить обвинение, избрать меру пресечения и выполнить установленные законом действия по окончании расследования.

Что касается следственных действий, производство которых разрешено в настоящее время до возбуждения уголовного дела, то в юридической литературе верно замечено: «применение таких действий может иметь место только в ходе расследования, то есть после разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. В противном случае стирается грань между расследованием как особой формой деятельности государственных органов и иными видами действий, связанных с проверкой данных о совершенном или предполагаемом преступлении (выделено мною – А.К.). Более эффективному проведению расследования они служить не могут, поскольку их проведение не возбраняется при наличии возбужденного дела. Проведение их до возбуждения уголовного дела противоречит самой природе, принудительному характеру, особому основанию государственно-властного принуждения, применяемого в ходе уголовного процесса»¹⁷.

И здесь нельзя не обратиться к мнению известного ученого-процессуалиста И.Л. Петрухина, который считал, что доследственная проверка создает лишь иллюзию коротких сроков расследования. Если отсчет вести от начала доследственной проверки, отметил он, то сроки расследования будут устрашающе велики, и кому-то нужно будет нести за это ответственность¹⁸. К словам И.Л. Петрухина можно добавить, что они будут «устрашающе велики» и для сроков так называемого «дознания в сокращенной форме», являющегося предметом данной статьи и, несомненно, по мнению законодателя направленного на ускорение производства по уголовному делу. Какое может быть «ускорение» расследования видно из положений приведенного выше законодательства: 30 суток плюс минимум 15 = 45!

¹⁷ См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Указ. соч. С. 170.

¹⁸ См.: Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 28.

Все рассмотренное выше позволяет, на наш взгляд, сделать вывод: предварительная проверка сообщений о преступлении, как и стадия возбуждения уголовного дела в целом, не нужны: возбуждение уголовного дела должно стать началом полноценного предварительного расследования преступления, сведения о котором содержатся в поступившем сообщении.

Необходимо обратить внимание и на правовое положение потерпевшего при производстве дознания в сокращенной форме. Так, законом установлено, что дознаватель не позднее трех суток со дня составления обвинительного постановления должен ознакомить с ним и материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника и составить об этом протокол (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ). Что же касается потерпевшего и (или) его представителя, то они знакомятся с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела при условии, если заявят ходатайство об этом (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ).

Но чтобы заявить указанное ходатайство, потерпевший и (или) его представитель должны знать о том, что дознаватель составил обвинительное постановление, и что названные участники процесса могут ознакомиться с ним и с материалами уголовного дела в определенное время и в определенном месте. Об этом их нужно своевременно уведомить, но подобное уведомление в УПК РФ не предусмотрено, то есть права потерпевшего и (или) его законного представителя при производстве дознания в сокращенной форме должным образом не защищены.

Не способствуют, на наш взгляд, решению задач уголовного судопроизводства и установленные ст. 226.9 УПК РФ *особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме*.

Эти «особенности» не отвечает назначению суда, как единственного государственного органа, осуществляющего правосудие по уголовным делам. В ч. 1 ст. 29 УПК РФ установлено, что только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание. Но признать лицо виновным в совершении преступления суд может только на основе доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого в совершении преступления и проверенных в ходе судебного следствия.

Однако судебное производство по уголовному делу, дознание по которому велось в сокращенной форме, как установлено ч. 1 ст. 226.9, производится в порядке, предусмотренном ст. 316 и 317 УПК РФ, с изъятиями, указанными в ст. 226.9 УПК РФ.

В связи с этим, обратимся к ст. 316 УПК РФ, имеющей название: «Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора». В части 5 данной статьи говорится, что судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, но могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Итак, запомним: «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу».

Однако в ч. 7 ст. 316 УПК РФ закреплено: «если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание».

Таким образом, в ч. 7 ст. 316 УПК РФ говорится об обвинении, которое «подтверждается доказательствами», но ведь в части 5 этой же статьи отмечено, что судья не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по делу. Так на основании чего постановляется обвинительный приговор?

Применительно к ст. 316 УПК РФ А. Халиковым правильно отмечено, что при таком порядке проведения судебного заседания отсутствуют прения сторон по вопросам квалификации деяния, вида и меры наказания, не предусмотрено последнее слово подсудимого, и что это совсем не похоже на правосудие¹⁹.

Высказанные замечания в полной мере относятся и к судебному производству по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

Заслуживает внимания и такой факт: впервые при включении в УПК РФ новой главы законодатель дважды (!) упоминает о

¹⁹ См.: Халиков А. Вопросы, возникающие при особом порядке судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 64-65.

возможном самооговоре обвиняемого. Первый раз, когда говорит о направлении прокурором уголовного дела для производства дознания в общем порядке «при наличии достаточных основания полагать самооговор обвиняемого» (подп. «г» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). И второй раз, когда говорит о «самооговоре подсудимого», как об основании возвращения судом уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ).

Нами выше были названы некоторые причины самооговора – уговоры, ложные обещания, угрозы и другие незаконные действия. К причинам самооговора, на наш взгляд, следует отнести и возможность назначения подсудимому, если он признает себя виновным в совершении определенного преступления, наказания, не превышающего одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ). Сокращение срока наказания наполовину может выглядеть как определенная приманка для самооговора.

Какой же выход из сложившегося положения? *По нашему мнению, только один: после проведенного дознателя расследования, необходимо проводить полноценное судебное разбирательство, состоящее из подготовительной части, судебного следствия, судебных прений, последнего слова подсудимого и постановления приговора.* Только таким путем можно будет избежать самооговоров обвиняемых, нарушений прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, способствовать установлению объективной истины по уголовному делу²⁰.

Прав П.Ф. Пашкевич, когда еще применительно к протокольной форме досудебной подготовки уголовных дел писал: «Опытом давно доказано, что ни истина, на справедливость, ни законные интересы и права обвиняемого ничуть не страдают, если такие дела

²⁰ Об истине в уголовном судопроизводстве см.: Кругликов А.П. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 42–46.

незамедлительно становятся предметом судебного разбирательства после самой элементарной досудебной подготовки»²¹.

И еще им отмечено, что судебное разбирательство является основной, главной стадией всего уголовного процесса и его нельзя сводить только к проверке материалов предварительного расследования дела. *Именно в осуществлении правосудия только судом, организованным и действующим на демократических принципах* (выделено мною – А.К.), а вовсе не в применении единой сложной формы предварительного расследования по каждому делу, заключаются наиболее надежные гарантии вынесения законного и обоснованного приговора²².

Подводя итоги, можно отметить, что не было оснований для включения в УПК РФ главы 32.1: «Производство дознания в сокращенной форме», само ее содержание во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к правовым нормам. Остается лишь пожелать, чтобы установленный этой главой порядок расследования и разрешения уголовных дел не был распространен на другие виды преступлений, в том числе тяжкие и особо тяжкие. Тогда еще не раз придется вспомнить о М.С. Строговиче, который с учетом нарушений законности в период тоталитарного государства в нашей стране, отстаивал единство уголовного процесса, под которым он понимал «единство порядка судопроизводства во всех звеньях судебной системы, единство процессуальных форм»²³.

Проблемы дифференциации процессуальной формы нуждаются в дальнейшем исследовании.

²¹ См.: Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 65.

²² См.: Пашкевич П.Ф. Указ. соч. С. 65. В этой же работе П.Ф. Пашкевич на с. 73 и др. обосновал и предложил в начале третьего раздела УПК РСФСР дать статью, которая бы гласила: «Предварительное (досудебное) производство по уголовным делам осуществляется в форме предварительного следствия или дознания либо в форме сокращенного дознания». Он предлагал включить в УПК РСФСР статью 29.1 под названием: «Сокращенное дознание». Анализ указанных предложений выходит за пределы настоящей статьи, они нуждаются, на наш взгляд, в специальном исследовании.

²³ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 65.

СОКРАЩЕННОЕ ДОЗНАНИЕ И ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) введено новое досудебное производство – дознание в сокращенной форме. Данные законодательные новеллы значительным образом модернизировали существующую систему форм предварительного расследования.

Главное назначение сокращенного дознания состоит в исключении нерационального расходования сил и средств органов дознания и обеспечении предварительного расследования по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, с минимальными временными затратами.

Сокращенное дознание представляет собой упрощенный вариант досудебного производства и заключается в проведении дознания в относительно сжатые сроки и в возможности оптимального ограничения объема следственных и процессуальных действий, направленных на установление фактических обстоятельств уголовного дела с целью достижения процессуальной экономии.

Упрощение производства по уголовным делам, в частности, может быть выражено в дозволении не проверять доказательства, если они не были оспорены сторонами; не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении; не производить следственные и процессуальные действия, если необходимые сведения, содержащиеся в материалах проверки сообщения о преступлении, отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам.

Безусловно, главная задача любого упрощенного досудебного производства в уголовном процессе – не допустить нео-

боснованного ограничения и ущемления конституционных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечить законность деятельности органа предварительного расследования.

Вместе с тем, на наш взгляд, столь значительное упрощение производства по уголовным делам, формальный подход к процессу доказывания (закон допускает принятие в качестве доказательств материалов проверки сообщения о преступлении, разрешая не проводить с целью их проверки следственные действия и иные процессуальные действия) может повлечь за собой и определенные злоупотребления со стороны должностных лиц органов предварительного расследования, с целью, например, улучшения показателей служебной деятельности.

В целях обеспечения прав и законных интересов участников ускоренного досудебного производства по уголовному делу должна действовать четко отлаженная система уголовно-процессуальных гарантий, среди которых немаловажная роль отводится контролю руководителя органа дознания за законностью и обоснованностью всех процессуальных действий и решений дознавателя.

В связи с этим переход подразделений дознания органов внутренних дел в режим реформированного нормативного регулирования обуславливает потребность в разработке эффективного механизма процессуального ведомственного контроля при производстве дознания в сокращенной форме.

Ближайшим по отношению к дознавателю процессуальным руководителем является начальник подразделения дознания, в связи с чем, реализуя свои полномочия на первой ступени системы ведомственного контроля, в первую очередь, именно он обязан должным образом и оперативно реагировать на выявленные нарушения и принимать определенные профилактические меры, что будет соответствовать идее ускоренного производства по уголовному делу.

К сожалению, законодатель не внес корректив в нормы УПК РФ, регулирующие правоотношения между дознавателем и его непосредственным руководителем при производстве сокращенного дознания.

Начальником подразделения дознания УПК РФ признает должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель. На данное должностное лицо возложена ответственность за обоснованность и своевременность принятия подчиненными процессуальных решений, а также исполнение иных требований УПК РФ.

Сокращенное дознание характеризуется, в том числе специфическими процессуальными решениями, принимаемыми дознавателем в ходе производства по уголовному делу.

Так, по результатам рассмотрения ходатайства подозреваемого о проведении дознания в сокращенном порядке дознаватель выносит постановление о производстве дознания в сокращенной форме либо отказе в удовлетворении указанного ходатайства.

Закон не исключает права заинтересованных лиц (подозреваемого и его защитника, потерпевшего и его представителя) обжаловать принятое дознавателем решение. В то же время рассмотрение жалобы неизбежно приведет к затягиванию сроков предварительного расследования, что само по себе нежелательно и не соответствует цели сокращенной формы производства по уголовному делу.

Если обратиться к схожему по своей правовой природе институту особого порядка судебного разбирательства, то можно заметить, что заявленное обвиняемым ходатайство о применении указанной формы судебного производства рассматривается судьей в судебном заседании по правилам глав 35 и 36 УПК РФ с непосредственным исследованием всех перечисленных в законе обстоятельств.

По заявленному ходатайству подозреваемым и обвиняемым о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве первоначальное решение принимается следователем с согласия руководителя следственного органа, то есть, – не минуя ступень контроля со стороны непосредственного начальника.

Упомянутые процессуальные решения суда по ходатайству о проведении судебного разбирательства в особом порядке и орга-

на предварительного расследования по ходатайству о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, также как и решение дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме, в определенной степени затрагивают права и законные интересы как подозреваемого (обвиняемого), так и потерпевшего. Вместе тем, для их утверждения уголовно-процессуальным законом предусмотрены различные процедуры, и в указанных выше ситуациях законодатель предусмотрел определенные гарантии в виде наличия согласия руководителя следственного органа и рассмотрения заявления в судебном заседании с участником защитника. Анализ норм главы 32.1 УПК РФ показывает, что такие положения для органов дознания законодатель не предусмотрел, что не согласуется с идеей создания системы «беспробельного» ведомственного контроля.

Полагаем целесообразным и наиболее способствующим обеспечению прав и законных интересов участников досудебного производства, а также реализации идеи процессуальной экономии, закрепить в ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ положение о получении согласия начальника подразделения дознания при вынесении дознавателем постановления об удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, либо отказе в его удовлетворении и внесение соответствующих изменений в ст. 40.1 УПК РФ.

Начальник подразделения дознания вправе и обязан активно использовать уже имеющиеся у него процессуальные полномочия по осуществлению контроля за производством дознания. Так, закон наделил данного участника уголовного судопроизводства правом проверять материалы уголовного дела; давать указания дознавателю о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

В соответствии с ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, доказательства по уголовному делу собираются в объеме, *достаточном* для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных для данного вида дознания.

По смыслу указанной нормы УПК РФ право оценки имеющихся в уголовном деле доказательств с точки зрения достаточности принадлежит дознавателю. Кроме этого, дознаватель обладает достаточной самостоятельностью для того, чтобы, к примеру, не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, кроме случаев, когда необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

Учитывая такой упрощенный подход к проверке и оценке доказательств, как указывалось нами выше, существует вероятность процессуальных ошибок. В данном случае, по нашему мнению, прежде всего начальник подразделения дознания, воспользовавшись предоставленным ему законом объемом полномочий, обязан и имеет возможность проверить лично материалы уголовного дела и дать необходимые указания дознавателю. Это определенным образом может предотвратить нарушение или неоправданное ограничение прав участников уголовного судопроизводства, и, как следствие, – дальнейшее обжалование действий и решений подчиненных сотрудников прокурору и в другие инстанции (такое обжалование неизбежно приведет к увеличению срока предварительного расследования). В последнем случае производство в сокращенной форме подлежит прекращению и, в соответствии с ч. 3 ст. 226.7 УПК РФ производство по уголовному делу будет продолжаться в общем порядке.

Итоговым документом дознания в сокращенной форме, в котором отражена оценка дознавателем всех имеющихся доказательств, является обвинительное постановление, которое по окончании дознания подписывается дознавателем, утверждается начальником органа дознания и направляется прокурору.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ в обвинительном постановлении указываются обстоятельства, пе-

речисленные в п. 1-8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, а также ссылки на листы уголовного дела. Таким образом, указанный процессуальный акт по форме и содержанию в целом аналогичен обвинительному акту.

Ранее автор обосновывал необходимость на законодательном уровне расширить круг полномочий начальника подразделения дознания, наделив его правом давать согласие на направление обвинительного акта прокурору, (при этом предлагалось упразднить положение УПК, наделяющее начальника органа дознания правом утверждения итогового документа дознания ¹).

Учитывая изложенное, а также нормативные положения об особенностях доказывания по делам рассматриваемой категории, на которые нами указывалось выше, считаем вполне логичным применить данные выводы и к процедуре согласования и утверждения обвинительного постановления.

Итак, новая форма дознания требует поиска новых подходов к осуществлению процессуального контроля деятельности дознавателя, который является одной из гарантий обеспечения конституционных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства на данной стадии. По мнению автора, данную ситуацию возможно разрешить путем закрепления в законе положения об обязательной даче согласия начальником подразделения дознания дознавателю на принятие решения о производстве дознания в сокращенной форме, а также согласия на направление обвинительного постановления прокурору, причем без утверждения его начальником органа дознания.

¹ См.: Митькова Ю.С. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 95.

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ КАК УСЛОВИЕ СОКРАЩЕННОГО ПОРЯДКА ДОЗНАНИЯ

Многолетний отечественный и зарубежный опыт уголовной юстиции показывает, что одними мерами ужесточения наказания невозможно добиться снижения преступности и обеспечить перевоспитание осужденных. Поэтому государство в необходимых случаях прибегает к поощрительным нормам, которые склоняют граждан к добровольному прекращению преступной деятельности, своевременному отказу от создания препятствий в ходе расследования уголовного дела с гарантией освобождения или смягчения наказания (в частности, в случаях явки с повинной, деятельного раскаяния, примирения сторон, применения особого порядка судебного разбирательства, заключения досудебного соглашения о сотрудничестве).

В последние десятилетия в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации все чаще возникает вопрос о степени динамичности уголовно-процессуальной формы и наличии у нее таких качеств, как процессуальная гибкость и способность к дифференциации¹.

Каждый из элементов уголовного судопроизводства представляет собой относительно самостоятельное образование, которое может вычленяться познающим в качестве объекта исследования и рассматриваться с разных сторон, в том числе в аспекте процессуальной формы².

¹ См.: Марковичева Е.В. Реалии и перспективы ускоренного производства в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 7. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вопрос о форме уголовного судопроизводства очень важен, так как через определение этого понятия раскрывается ряд существенных характеристик данного вида правовой деятельности.

Для того чтобы следователь, дознаватель, прокурор или суд приняли какое-либо процессуальное решение, необходимо соблюсти строго и четко определенные условия, установленные законом.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ введена глава 32.1, регламентирующая новую форму предварительного расследования, которую предполагается использовать при выяснении обстоятельств совершения преступлений небольшой и средней тяжести и применять только в том случае, если подозреваемый полностью признает вину.

В УПК РФ признание подозреваемым, обвиняемым своей вины в совершении преступления до марта 2013 г. не указывалось в качестве обязательного условия принятия какого-либо процессуального решения.

В настоящее время стало общепринятым при рассмотрении отдельных правовых и процессуальных вопросов обращаться к истокам возникновения проблемы. И, на наш взгляд, трудно не согласиться с целесообразностью такого подхода. Рассмотрение любого института в динамике позволяет глубже и всесторонне познать его сущность, выявить положительные и отрицательные стороны, тенденции развития.

Не составляет исключения и обозначенная нами проблема, поскольку она имеет свою историю. Советский законодатель проводил дифференциацию уголовно-процессуальной формы посредством выделения трех отдельных производств: по делам несовершеннолетних, по применению принудительных мер медицинского характера (так называемые усложненные производства) и протокольную форму досудебной подготовки материалов (упрощенная форма производства). Российский же законодатель подошел к вопросу о дифференциации уголовного процесса более рационально, не только возродив ранее применявшиеся производ-

ства, но и закрепив иные, новые для отечественного судопроизводства, такие как: особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве, а также введенная совсем недавно сокращенная форма дознания.

Наибольшей критике подвергалась протокольная форма досудебной подготовки материалов. Среди аргументов, высказанных против нее, наиболее весомым следует признать то, что в результате составления протокола нарушались конституционные права участников процесса, статус которых также не был достаточно четко определен в законе, что впоследствии и заставило законодателя отказаться от этой формы.

Но вместе с тем, насущная потребность в упрощении досудебного производства по отдельным категориям дел, не представляющим сложности, сохранялась. Поэтому в теории и на практике последнее время велся активный поиск путей сокращения сроков и упрощения процедур уголовного судопроизводства, особенно на его досудебных стадиях, и результатом данного поиска явилась гл 32.1 УПК РФ.

В основе сокращения лежат идеи экономии и рационализации уголовного принуждения, сосредоточение усилий на расследовании и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений.

Сокращенное дознание способствует реализации права на скорый суд – важнейшей международно-правовой нормы, обеспечивающей защиту интересов личности³.

Значительная часть уголовных дел, расследуемых в порядке дознания – это уголовные дела, которые не представляют собой правовой и фактической сложности. Предполагается, что сокращенный порядок дознания позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков дознания по таким уголовным делам.

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. 2001. №2. Ст. 163.

Применение этой процедуры возможно, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по одному или нескольким преступлениям, расследуемым в порядке дознания, а подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, и ходатайствует о применении этой процедуры. В ряде случаев дознание в сокращенной форме не допускается. В любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) могут заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке.

Какими же должны быть основания для применения такого производства? Это, во-первых, то, что лицо совершило преступление впервые, и оно установлено; во-вторых, возместило ущерб или иным образом деятельно раскаялось; в-третьих, это преступление очевидное, установлены свидетели, потерпевшие; в-четвертых, установление обстоятельств правонарушения не составляет особой сложности⁴.

До принятия мартовских изменений в закон велась активная дискуссия по поводу реформирования досудебного производства, в частности, дознания. Высказывались различные предложения. Так, А.П. Гуляев полагал, что необходимо «признать одной из самостоятельных форм дознания выполнение неотложных следственных действий по делам, по которым обязательно производство предварительного расследования, с конкретным и четким описанием в законе условий возбуждения таких дел и выполнения неотложных следственных действий. В числе таких условий должны быть: перечень преступлений, по которым допускается данная форма дознания, и установка на то, что она используется в тех случаях, когда орган предварительного следствия по каким-либо причинам не может своевременно приступить к расследованию

⁴ См.: Григорьев Д. А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. 2011. № 6. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

совершенного деяния, а промедление может отрицательно отразиться на сборе и закреплении доказательств»⁵.

Ю.А. Францифоров считает, что «идея реформирования дознания представляется более перспективной, чем его упразднение, поскольку отказ от этой формы предварительного расследования только прибавит проблем в стадию досудебного производства, так как вся нагрузка, связанная с осуществлением предварительного расследования, ляжет на плечи следователя. Вполне приемлемыми являются предложения, связанные с конкретизацией функций и расширением процессуальных полномочий субъектов, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания»⁶.

С.И. Гирько в качестве возможных условий проведения сокращенного дознания назвал в числе обязательных «признание лицом, совершившим преступление, своей вины, поскольку в противном случае изобличить лицо без применения принуждения будет невозможно». По его мнению, необходимо получить у лица, совершившего преступление, согласие на проведение расследования в сокращенной форме, поскольку это, с одной стороны, учитывало бы его интересы, а с другой – сводило бы к минимуму факты последующих отказов от сокращенной формы производства⁷.

Наконец, 4 марта 2013 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 23-ФЗ, которым введен новый вид предварительного расследования – дознание в сокращенной форме.

Согласно ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого о

⁵ См.: Гуляев А. П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Российский следователь. 2012. № 11. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Францифоров Ю.А. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2010. № 15. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме и при наличии одновременно двух условий, одним из которых является признание подозреваемым вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также то, что подозреваемый не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Исходя из принципа состязательности, законодатель идет на частичный отказ от доказывания, его сокращения в случаях, когда подозреваемый против этого не возражает. Наиболее отчетливо это как раз и проявляется в сокращенной форме дознания. В доказательственном же аспекте остается в силе прежнее правило – оценке и проверке подлежат лишь конкретные факты, сообщенные подозреваемым, с учетом того, что доказательства по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме дознания, собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

В силу ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, судебное производство осуществляется в порядке, установленном ст. 316 и 317 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными этой статьей.

Опасение у многих авторов вызывает то, что признание в данном сокращенном производстве может стать «царицей доказательств»⁸.

Судебная практика – советская, российская и зарубежная – свидетельствует о том, что показания подозреваемого, обвиняемого все еще оцениваются как «особо убедительное доказательство», и при получении этих доказательств не всегда соблюдается правило о добровольности дачи показаний подозреваемым, обвиняемым⁹.

Данные опасения объясняются, прежде всего, имевшейся и, к сожалению, до сих пор сохраняющейся порочной правоприме-

⁸ См.: Полуяктова Н. Сокращенному дознанию быть? // Эж-Юрист. 2012. № 31. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Горбачев А. В. Указ соч.

нительной практикой, связанной с использованием незаконных методов ведения расследования, в частности, недопустимого психологического и физического воздействия на подозреваемого. Однако, вместо того, чтобы отказываться от такого ценного доказательства, целесообразнее направить усилия на совершенствование мер преодоления и нейтрализации незаконных методов ведения, в частности, дознания.

К числу таковых относится введение гарантий добровольности признания, одной из которых могла бы являться – введение допроса при рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства с целью исключения сомнений в возможном самооговоре допрашиваемого.

Кроме того, одна из таких гарантий уже имеется в УПК РФ, а, именно ст. 226.3 УПК РФ, предусматривающая, что подозреваемый, обвиняемый вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, что позволяет исключить самооговор, применение физического или психологического воздействия и т. д.

Для обеспечения прав и законных интересов правонарушителя и других участников ускоренного досудебного производства по уголовному делу следует совершенствовать соответствующие гарантии добровольности признания подозреваемого.

Таким образом, стремление законодателя ввести в УПК РФ новые процедуры, с помощью которых может достигаться процессуальная экономия государственных сил и средств, не выразились в представлении завершенной законодательной конструкции. Поэтому описанные пробелы и неточности не позволяют в полной мере положительно оценить нововведения, которые порой игнорируют отечественную специфику нормативного регулирования уголовно-процессуальных отношений.

СОКРАЩЕННАЯ ФОРМА ДОЗНАНИЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для того чтобы дать действительно точную оценку тому или иному правовому институту, в том числе и сокращенной форме дознания, необходимо определить в какой системе уголовно-процессуальных координат – типе уголовного процесса находится данный институт.

Следует четко различать разные типы уголовного судопроизводства: объективно-истинный и состязательный.

Современный уголовный процесс России основан на состязательной модели процесса. Это означает, что «принцип состязательности и равноправия сторон распространяется на все стадии уголовного судопроизводства»¹. Состязательность определяет все в уголовном судопроизводстве России и она самодостаточна, поэтому исключает объективную истину, поскольку именно состязанием сторон устанавливается сильнейший, победитель правового спора. Все решается в пределах, рамках состязательности.

Состязательная процессуальная форма в УПК РФ самоценна и имеет приоритет над реальным содержанием. То есть, законодатель в действующем УПК РФ исходит из «приоритетности установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела»².

В состязательном УПК РФ процессуальная форма и права личности противопоставляются объективной истине, достоверному раскрытию преступлений (борьбе с преступностью). Как под-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П // Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З.Д. Еникеев, Е.Г. Ежова. М., 2011. С. 103.

² Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 8–9.

черкнула И.Б. Михайловская: «Приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы (то есть требования соблюдать нормы уголовно-процессуального закона) выступают ограничителем средств и способов раскрытия преступления и осуждения лица, виновного в его совершении»³. Это значит, что в УПК РФ нет необходимой общей цели, которая бы выходила за состязательные рамки – все в пределах основного подхода: «состязание для состязания». Но, ведь состязательность, состязание сторон – это лишь средство в такой диалектически необходимой парной категории противоположностей как: «цель и средства». Но в том то и дело, что в состязательном процессе (процессе «чистой состязательности») средства становятся самоцелью, то есть в УПК РФ цель отождествляется со средствами.

В УПК РФ все «осостязательствовано»: и цель (назначение уголовного судопроизводства – ст. 6) и принципы, и правовые институты, включая и сокращенную форму дознания.

Дознание в сокращенной форме – это все суть уголовно-процессуальная форма (процедура), которая, как отмечено, в УПК РФ самоценна и исключает объективную истину, а по делу устанавливается формально-юридическая истина, «истина формы», «истина победителя состязания сторон». Однако такой уголовный процесс, в котором процессуальная форма самоценна, то есть в нем, по сути, осуществляется тавтологический подход: «форма для формы», «процесс для процесса», а не для достижения необходимой общей социально-важной цели – не может быть совершенным, эффективным, объективным, и по-настоящему справедливым.

Как отмечено в юридической литературе, «Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена (в Концепции судебной реформы в Российской Федерации – Г.П.) вульгарной идеей. Взамен УПК РФ предлагает совершенно «раз-

³ Михайловская И.Б. Указ. соч. С.16.

мытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы уголовного судопроизводства»⁴.

При отказе уголовного процесса от объективной истины, неизбежно происходит его формализация. В законе появляются «формализмы» (всегда свертывающие, сокращающие процесс объективного исследования) с которыми законодатель связывает наступление определенных юридических последствий, требует принятия правовых решений, ведущих к завершению уголовного процесса по формальным основаниям.

Примерами такой формализации УПК РФ служат: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40); особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1); полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства служит формальным основанием, предписанием для суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование, даже если суд не разделяет позицию государственного обвинителя (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). К формализованным правовым нововведениям законодателя в УПК РФ следует отнести и дознание в сокращенной форме – глава 32.1 (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Тем самым произошла дальнейшая формализация действующего уголовного процесса России, дальнейшее совершенствование, модернизация уголовно-процессуальной формы в духе основного подхода: «форма для формы», «процедура для процедуры», то есть вне связи с такой необходимой общей целью как бескомпромиссная борьба с криминалом (достоверное, объективно-истинное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных). Поэтому большого эффекта с точки зрения успешной, результативной борьбы с преступностью данная новая форма дознания дать не может по определению, поскольку неэффективен

⁴ Азаров В.А. А удалась ли конференция? // Вестник Омского университета. Серия «Право». № 1(14). 2008. С. 6.

сам исходный подход в УПК РФ: «соствязание для соствязания», «процессуальная форма для формы». А сокращенная форма дознания касается именно формы; это изменение в сфере процессуальной формы. Но как справедливо заметил известный российский криминолог В.В. Лунеев: «Процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу...»⁵.

Однако ценностные ориентиры в состязательном УПК РФ кардинально изменились: не раскрыть полно преступление, а выиграть процесс.

Сокращенная форма дознания, как и другие формализованные правовые институты в состязательном уголовном процессе – есть «сделка» – «сделка о признании вины», «сделка с правосудием», «сделка с дознанием» на взаимовыгодных для сторон условиях.

В «сделке» всегда важен сам формальный момент, составляющий ее суть. Для сокращенной формы дознания – это само ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. При этом необходимо, чтобы подозреваемый признал свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривал бы правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (ст. 226.1 УПК РФ).

При этом сокращается не только сам срок дознания (он не должен превышать 15 суток), но и содержательная, доказательственная сторона дознания, поскольку, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела, дознаватель вправе: 1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; 2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения...; 3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении... (ст. 226.5 УПК РФ).

Все это необходимые условия сделки: в обмен на признание вины подозреваемый (в суде он подсудимый) может рассчиты-

⁵ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьба с ней в России // Государство и право. 2004. №1. С.15.

вать на назначение наказания, которое не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ст. 226.9 УПК РФ).

Сокращенная форма дознания, как, например, и особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) – это все образцы модернизации, формализации состязательной модели УПК РФ. Дознание в сокращенной форме не делает шага вперед к объективной истине, а, наоборот, все большее отдаляется от нее именно сокращением процесса дознания по уголовным делам, то есть сокращением процесса исследования, процесса познания объективной истины. Объективному исследовательскому процессу, противопоставляется «сделка» взаимоприемлемая для состязającychся сторон обвинения и защиты.

В.М. Сырых справедливо заметил, что действующий УПК РФ не является безупречным с точки зрения способности закрепленных в нем процедур обеспечивать получение объективных данных, поскольку проектанты и законодатель не смогли полностью устоять перед соблазном упростить уголовное судопроизводство и допускают возможность постановки обвинительного приговора без проведения судебного следствия в случаях, когда обвиняемый лично ходатайствует об этом и согласен с предъявленным ему обвинением⁶. Речь идет о главе 40 УПК РФ.

Теперь к этому процессу упрощения и формализации уголовно-процессуальной состязательной формы добавились: особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ). Естественно, данный законодательный процесс, направленный на упрощение уголовного судопроизводства, далеко не завершен и будет продолжен в новых формах.

Вполне возможно, что на практике активность органов дознания будет направлена не на достоверное раскрытие преступле-

⁶ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.3. Современное правопонимание. М., 2007. С. 303–304.

ний, а на «сделку» – на то, чтобы склонить подозреваемого к сокращенной форме дознания. В формальной логике это называется «подменой понятия».

«Сделка» нарушает права личности. Эти права ограничиваются хотя бы тем, что по условиям «сделки» от подозреваемого и обвиняемого (в обмен на смягчение наказания) всегда требуется признание им своей вины. А коль скоро признание состоялось, то дальнейшее исследование автоматически прекращается и принимается решение на основе «сделки». «Сделка» вместо объективного исследования. Формально-юридическая истина вместо объективной истины.

При «сделке», вопреки презумпции невиновности, подозреваемый, обвиняемый сразу переводится в разряд преступников, на него перемещается бремя доказывания, прекращает свое действие правило о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, признание подозреваемым, обвиняемым своей вины формально становится главным решающим доказательством, стало быть, не требуется совокупности доказательств – достаточно самого признания. Органы дознания, следствия и суда занижают свои цели, опускаются до уровня «сделки» с подозреваемым, обвиняемым в прагматических интересах выгоды «ускорения», «удешевления» процесса предварительного расследования и судебного разбирательства⁷. Все упрощается. Коренной вопрос: действительно ли виновен человек, признавший свою вину, в «сделке» отодвигается на второй план. В суде проверяется добровольность признания, а не его истинность. В итоге получаем реализацию принципа: «цель оправдывает средства», где «признание» – цель, а «сделка» – средство.

По мнению И.Л. Петрухина: «Сделки о признании вины, чужды российскому менталитету... В российском уголовном правосудии сделка – явление аморальное, порочное, бесчестное, это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления... При введении

⁷ Но, как известно: «Дешевое правосудие дорого обходится государству».

сделок о признании вины возможности для взяточничества и других злоупотреблений многократно возрастут»⁸.

Необходимо отметить, что Западу известен институт «сделок о признании вины»⁹. Известный американский историк уголовного права Джон Лангбейн считает, что сделки о признании вины заменили собой пытку как способ принудить подозреваемого к самооговору¹⁰.

В основе «сделки» всегда лежит концепция взаимоуступок, компромисса, стирание различий между неотвратимостью ответственности и безнаказанностью.

Как уже отмечалось, любая «сделка» – это сокращенная форма процесса в рамках общей состязательной формы УПК РФ, то есть все в пределах уголовно-процессуальных средств, в пределах уголовно-процессуальной формы. Значит, УПК РФ не делает необходимого шага к необходимой общей цели, которая всегда есть бескомпромиссная борьба с криминалом, достоверное, истинное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных – такой цели в УПК РФ нет. Но если уголовный процесс России не ведет активной борьбы с преступностью, то тем самым потворствует ей, идет с ней на определенный компромисс, соглашение, сотрудничество, договор. И сокращенные фор-

⁸ Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. №5. С.35; Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 37–38.

⁹ Например, по решению Верховного Суда США «Noth Carolina V. Alford (400 V.S.) 25 (1970) обвиняемый может принять сделку о признании виновности, чтобы избежать более строгого наказания, даже если он отрицает свою вину. В этих случаях судья должен убедиться в достаточности уличающих обвиняемого доказательств (см.: Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия?// Рос. юстиция. 1998. №10. С. 37).

¹⁰ См.: Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. №10. С.37. Как представляется, «сделка» может быть и удобным средством укрывательства преступления, если, скажем, лицо в «сделке» берет на себя чужую вину. Об отрицательных последствиях «сделки о признании вины» (см.: Феофанов Ю. Как у них судят // Российская юстиция. 1995. № 4. С. 7–8).

мы уголовного судопроизводства это доказывают. Или борьба с преступностью или компромисс с ней. Среднего не дано.

Если преступник в результате «сделки» (например, в форме сокращенного дознания) не получает справедливого наказания, а получает лишь его половину, то есть наполовину остается безнаказанным, то это и есть одна из форм компромисса с преступностью.

Таким образом, сокращенные формы действующего уголовного процесса России – это все формы его упрощения, показатель его формализации. Но есть ли предел такому «усовершенствованию» и упрощению уголовного процесса? Ведь диалектическая категория «мера» важна везде и повсюду. В противном случае правосудный процесс может легко превратиться в несправедливый, правовые действия – в противоправные, а защита прав личности – в их нарушении.

Вообще права личности в УПК РФ, отказавшемся от объективной истины, носят лишь относительный, условный характер, так как обусловлены его состязательной (выигрышно-проигрышной) концепцией. В таком процессе виновный может выиграть процесс (дело), а невиновный – проиграть. Тогда как объективная истина называет вещи своими именами: действительно виновного – виновным, а не виновного – невиновным.

Поэтому объективно-истинный тип уголовного процесса более высокий тип процесса, чем состязательный, в котором нет ничего определенного, а все относительно, условно.

Н.А. Соловьева

СОКРАЩЕННОЕ ДОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Одним из современных направлений совершенствования уголовного судопроизводства являются новые процедуры разрешения уголовно-правовых конфликтов. Среди общих тенденций модернизации уголовно-процессуальной деятельности можно отметить стремление многих государств упростить процедуру судопроизводства по уголовным делам, в которых обвиняемый признает свою вину¹.

С развитием данной тенденции сокращенного уголовного судопроизводства тесно связана идея восстановительного правосудия. Указанная идея касается не только дел о преступлениях несовершеннолетних, как это часто трактуется в научной литературе, а распространяется на уголовное судопроизводство в целом.

Вот лишь несколько взаимосвязанных моментов, позволяющих актуализировать тему восстановительного правосудия как альтернативы карательному способу ответа на преступление.

Во-первых, появление в УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения.

Во-вторых, запуск в конце 90-х годов проектов, включающих научно-теоретические и методические разработки по восстановительному правосудию, подготовку медиаторов (ведущих программ восстановительного правосудия) и формирование экспериментальных площадок, где стали отрабатываться процедуры медиации для разрешения конфликтов криминального характера².

¹ См.: Конин В.В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 42–43.

² См., например: Восстановительное правосудие / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003; Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Метод. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М., 2006;

В-третьих, Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам РФ известны понятия «примирение» и «заглаживание вреда». Согласно этим законам, по определенным категориям дел следователь на стадии предварительного расследования и суд на стадии судебного разбирательства в случае примирения сторон вправе (но не обязаны) прекратить уголовное дело (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ). Независимо от тяжести преступления заглаживание причиненного преступлением вреда служит смягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Так что, если дело и не подлежит прекращению, примирение и заглаживание вреда все равно имеют позитивные юридические последствия³.

В-четвертых, потенциал использования примирительных процедур содержится и в ряде других норм, в которых непосредственно о примирении не говорится, но идет речь о таких его элементах, как возмещение ущерба и заглаживание вреда со стороны обвиняемого, упрощенный порядок производства по делу. Сюда относятся ч. 1 ст. 75 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием»), а также нормы, касающиеся уголовных дел в отношении несовершеннолетних (ст. 90, 91 УК РФ), и предусматривающие освобождение от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 и 431 УПК РФ)⁴. Сюда

Морщакова Т.Г. К дискуссии о восстановительном правосудии // Неволя. 2005. № 4. С. 25–34; Воскобитова Л.А., Ткачев В.Н., Сачков А.Н. Мировая юстиция и восстановительное правосудие: теория и практика развития. Ростов н/Д, 2007; Воскобитова Л.А. Модельный закон субъекта Российской Федерации «О службе примирения» // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 6. М., 2006. С. 65–74; Рубинштейн Е.А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

³ См.: Карнозова Л.М. Восстановительное правосудие в российской правовой системе // Адвокат. 2012. № 12. С. 34–46.

⁴ См.: Карнозова Л.М. «Медиация как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом» // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг.: сборник научных статей / Л.Б. Алексеева, Г.Н. Ветрова, Л.М. Карнозова и др.; под ред. И.Б. Михайловской. М., 2012. С. 65.

же, на наш взгляд, можно отнести и нормы о сокращенном дознании (глава 32.1 УПК РФ), внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Восстановительное правосудие должно в определенной мере заменить собою существующее на сегодняшний день карательное правосудие, которое является достаточно затратным и неэффективным. Основным стержнем восстановительного правосудия является улаживание конфликта между людьми без использования традиционных репрессивных средств уголовного судопроизводства. Как отмечает немецкий криминолог Г.Й. Шнейдер, опора на соответствующие принципы уголовной политики обещает большой успех в восстановлении человеческих отношений между преступником и жертвой, а также в возмещении вреда, нежели наказание преступника⁵.

Движение к распространению на уголовное правосудие моделей разрешения конфликтов, базирующихся на идеях согласия и примирения, описывается разными терминами – «восстановительное правосудие», «общинное правосудие», «неформальное правосудие», «реституционное правосудие» (в документах ООН). Несмотря на то, что практически везде речь идет об использовании медиации как механизма урегулирования конфликтов (либо других форм, приближенных к местным обычаям, но ядром их в любом случае оказываются диалог, уполномочивание сторон в разрешении конфликта, достижение соглашения), данная процедура является не единственным способом урегулирования уголовно-правовых конфликтов.

Совершенствование законодательства в русле упрощения уголовного судопроизводства, в частности, введение процедуры сокращенного дознания, также, на наш взгляд, является одним из

⁵ См.: Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994. С. 368 (цит. по: Полищук Д.А. Несколько слов о построении концепции современной уголовной политики, направленной на защиту интересов правосудия // Российский следователь. 2013. № 2. С. 24–27).

перспективных направлений нивелирования издержек, возникающих в результате уголовно-правового конфликта, согласуясь с идеей восстановительного правосудия.

Появление института сокращенного дознания в современном российском уголовном процессе объясняется реализацией принципа состязательности (нет спора – нет и «состязания»), а также расширением элементов диспозитивности (свободного распоряжения сторонами своими материальными и процессуальными правами)⁶, что также выступает в качестве основной составляющей восстановительного правосудия.

Существенными шагами в направлении усиления диспозитивного начала в уголовном правосудии, как отмечалось выше, стали институты прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка судебного разбирательства.

При этом действие диспозитивности в этих случаях «не противопоставляется и не конкурирует с публичностью, поскольку волеизъявление жертвы и причинителя вреда, пришедших к примирению, не влечет автоматического принятия решения о прекращении дела, а представляет собой лишь одно из условий, соблюдение которых может побудить (или не побудить) компетентные органы принять решение о прекращении дела, ибо закон лишь наделяет их таким правом, а не обязывает к этому»⁷.

Такой подход к реагированию на уголовные преступления начал довольно интенсивно развиваться в разных странах мира примерно с 70-х годов XX века. Множество разнообразных течений, концепций и практик, базирующихся на идеях согласия и при-

⁶ См.: Толкаченко А.А. Особый порядок судопроизводства – междисциплинарный институт // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 36–39.

⁷ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. 7-е изд. М., 2010. С. 98 (цит. по: Л.М. Карнозова «Медиация как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом» // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001-2011 гг.: сборник научных статей / Л.Б. Алексеева, Г.Н. Ветрова, Л.М. Карнозова и др.; под ред. И.Б. Михайловской. М., 2012. С. 65).

мирения, к началу 80-х годов было объединено термином *restorative justice* (восстановительное правосудие). Вместе с тем, подход к реагированию на преступления, в ядре которого переговоры, примирительные процедуры и компенсация причиненного ущерба, восходит к глубине тысячелетий. Во второй половине XX столетия он получил новую жизнь, будучи противопоставленным доминирующему карательно-юридическому способу ответа на преступление.

Очевидно, что одной из важных характеристик восстановительного правосудия является упрощенный порядок, ускоряющий судебное разбирательство с целью обеспечения более высокой эффективности системы уголовного правосудия и сведения к минимуму расходов⁸.

Для упрощенного производства по уголовным делам характерна допустимость отступления от ряда базовых принципов уголовного судопроизводства. В первую очередь, от принципа полноты и всесторонности расследования: собиранию и фиксации подлежат только существенные доказательства, а проведению – лишь неотложные следственные действия по их закреплению. Допустимость этого устанавливается в процессуальном законе, как правило, путем введения ограничения на виды и объем применяемых в упрощенном производстве процессуальных действий, а также установления упрощенного порядка оформления их результатов⁹.

Значительная часть уголовных дел, расследуемых в порядке дознания, – это уголовные дела, которые не представляют собой правовой и фактической сложности. В целях совершенствования правоохранительной деятельности, обеспечивающей адекватное реагирование на преступления разных категорий, создания оптимальных условий для скорейшего расследования преступ-

⁸ См.: Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Процессуальные аспекты упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 38–41.

⁹ См.: Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 40–44.

лений и передачи дела в суд, и в то же время для сохранения гарантий прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых и других участников уголовного судопроизводства, в УПК РФ и было введено сокращенное дознание¹⁰.

Институт сокращенного дознания принципиально новым в уголовно-процессуальном законодательстве России назвать нельзя, так как в действующей редакции процессуального закона уже имеется сходная по строению форма уголовного судопроизводства, в основе реализации которой заложена позиция лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Она предусматривает те же основания привлечения и объем вменяемого причиненного преступлением вреда (глава 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»)¹¹. Как отмечает Е.А. Доля, рассматриваемые изменения и дополнения, касающиеся дознания в сокращенной форме, полностью согласуются с введенным ранее особым порядком судебного разбирательства, неоднозначно оцениваемым в теории и на практике. Отношение к институту сокращенного дознания также варьируется от оправдания его введения до категорического запрещения¹².

По мнению Е.А. Доли, анализ упрощений касающихся доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, привели к нарушению принципа упрощения, согласно которому упрощать явление возможно в любых объемах, но при обязательном сохранении его сущности¹³.

Практическим работникам представляется не вполне логичной позиция законодателя, увязывающего в п. 6 ч. 1 ст. 226.2

¹⁰ См.: Полуяктова Н. Сокращенному дознанию быть? //Эж-Юрист. 2012. № 31. С. 34.

¹¹ См.: Соловьев С. Грядущие новеллы. Об опасностях, таящихся в формулировках законопроекта // Новая адвокатская газета. 2013. № 5, 6.

¹² См.: Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43.

¹³ См.: Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // Научные труды Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, М., 2010. С. 764-780. (цит. по: Доля Е.А. Указ. соч. С. 43).

возможность производства дознания в сокращенной форме с согласованием с мнением потерпевшего, так как это будет создавать серьезные правовые противоречия между отдельными главами УПК РФ¹⁴.

Однако учет и согласование мнение обеих сторон, напротив, как было уже отмечено выше, является важной предпосылкой для нивелирования и разрешения уголовно-правового конфликтов и выступает в качестве одной из важнейших гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением означает отсутствие спора между сторонами по поводу фактических обстоятельств дела и их юридической квалификации. Отсутствие спора изменяет и круг вопросов, на которые должен дать ответ суд, и процедуру судебного разбирательства. В силу этого коренным образом меняются юридические последствия признания обвиняемым своей вины.

При реализации подозреваемым или обвиняемым своего права на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с последующим особым порядком принятия судебного решения, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ, позиция потерпевшего не влияет на удовлетворение такого ходатайства или отказ в нем подозреваемому или обвиняемому. Законодатель объясняет данную ситуацию превалярованием публичных интересов уголовного судопроизводства над частными. В этой связи следует согласиться с позицией тех ученых, которые полагают, что также целесообразно в главе 32.1 УПК РФ ограничить мнение потерпевшего относительно возможности производства дознания в сокращенной форме только делами частного обвинения, что находилось бы в гармонии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, и поддерживало бы общее направление уголовного судопроизводства, уже определенное действующими уголовно-процессуальными нормами¹⁵. И вместе с тем, не противоречило бы идеям восстановительного правосудия.

¹⁴ См.: Соловьев С. Указ. соч.

¹⁵ См.: Там же.

Неоднозначно отношение и к закреплению законодателем в качестве одного из условий сокращенного дознания признания вины. Ряд авторов полагают это нецелесообразным и даже вредным. По их мнению, законодатель, видимо, памятуя об исторических злоупотреблениях в уголовном судопроизводстве, когда признание вины являлось царицей доказательств, отказались от возможности ограничиться по делам данной категории исключительно полным признанием своей вины со стороны подозреваемого и обвиняемого, без какого-либо иного сбора доказательств, что фактически приведет к тому, что серьезных и значимых результатов в сокращении сроков дознания не будет достигнуто. «Нерациональное» же расходование сил и средств органов предварительного расследования будет перенесено со стадии дознания на стадию проверки сообщения или заявления и совершенном или готовящемся преступлении ¹⁶.

Очевидно, что историчность рассмотренных изменений обусловлена отказом законодателя от ряда традиционных уголовно-процессуальных институтов. Поэтому практическую позитивность или негативность этих изменений в настоящий момент обсуждать пока затруднительно. В полной мере оценить изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, можно будет только после того, как они пройдут проверку практикой.

Таким образом, ключевыми особенностями процессуального регулирования восстановительного правосудия можно выделить следующие:

1. Признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда.

2. Допустимость отступления от ряда базовых принципов уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях, и, в первую очередь, от принципов полноты и всесторонности расследования и обеспечения права на защиту. Однако этому сопутствует их исчерпывающее восполнение при рассмотрении дела в суде.

¹⁶ См.: Соловьев С. Указ. соч.

3. Сокращение предмета доказывания по делам, по которым заявлено ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме.

4. Законодательно четко регламентируются процессуальные особенности упрощенного судопроизводства, в том числе сокращенные сроки его производства, а также система процессуальных гарантий.

5. Особо устанавливаются правила и условия «превращения» упрощенного судопроизводства в обычное¹⁷.

6. Согласование позиции подозреваемого с позицией потерпевшего.

Представляется, что эти особенности в полной мере характеризуют и институт сокращенного дознания, позволяя предположить о его согласованности и включенности в систему восстановительного правосудия.

¹⁷ См.: Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 40–44.

К.А. Трифонова

НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРОМ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В ОБЩЕМ ПОРЯДКЕ

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ была введена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Действиям и решениям прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением, посвящена ст. 226.8 УПК РФ, согласно которой прокурор вправе:

- принять решение о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ;

- принять решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке в следующих случаях:

- а) наличие обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ;

- б) если при производстве по уголовному делу были допущены существенные нарушения требований УПК РФ, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

- в) если собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления;

- г) наличие достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого.

Обстоятельствами, исключаящими производство дознания в сокращенном порядке, согласно ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ являются:

- 1) подозреваемый является несовершеннолетним;

2) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 УПК РФ;

3) подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 УПК РФ;

4) лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в пункте 1 части третьей статьи 150 УПК РФ;

5) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;

6) потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме.

Законодатель сформулировал своеобразную новеллу, в которой детально регламентировал действия прокурора, по аналогии с УПК РСФСР. Так, четко структурированы решения и основания пересоставления обвинительного постановления и основания для производства дознания в общем порядке.

Интервьюирование сотрудников органов предварительного расследования (подразделения дознания, следственные отделы (отделения), начальники данных подразделений) показало, что из 42 опрошенных, 42 сотрудника считают, что решение прокурора о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке будет являться по своей сути дополнительным дознанием.

Действительно, несмотря на то, решение прокурора будет оформляться одноименным постановлением, фактически деятельность дознавателя будет связана с восполнением пробелов проведенного расследования и устранением существенных нарушений. Это обусловлено в первую очередь особенностью доказывания – доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. После направления уголовного дела прокурором для производства дознания в общем порядке у дознавателя появится возможность проверить доказательства, назначить

необходимые судебные экспертизы, провести дополнительные следственные и процессуальные действия, установить дополнительные фактические обстоятельства. Кроме того, при составлении статистических отчетов формы 1-Е, 1-ЕМ вероятно будет заполняться графа – «Возвращено прокурором для производства дополнительного дознания».

Таким образом, деятельность прокурора по направлению уголовного дела для производства дознания в общем порядке входит в структуру субинститута возвращения уголовного дела на дополнительное дознание прокурором, если рассматривать правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование с позиций теории права.

Хотелось бы отметить еще одну интересную особенность законодательных нововведений. Впервые у участников уголовного судопроизводства, имеющих самостоятельный правовой интерес в уголовном деле (обвиняемый, его защитник, потерпевший и его представитель) появилась возможность ходатайствовать:

1) о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым в связи с нарушением закона, допущенным при получении такого доказательства;

2) о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления;

3) о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу;

4) о пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ.

Указанные основания для заявления ходатайства имеют тесную связь с основаниями дополнительного расследования, это означает появление у обвиняемого, его защитника и потерпевшего дополнительных правовых средств, позволяющих влиять на ход

расследования, что является дополнительной гарантией законности расследования при «минимальном» доказывании обстоятельств совершения преступления со стороны дознавателя.

Тем не менее, данные правовые установления следует отличать от «дополнительного расследования» по ряду признаков. Принимать решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования может только субъект, наделенный властными полномочиями – прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения и органа дознания¹. В рамках данной деятельности осуществляются надзорные либо контрольные полномочия властных субъектов. Следственные и процессуальные действия имеют характер дополнительных по отношению к первоначальному расследованию, когда дознаватель уже принял окончательное решение о «минимальной» доказанности совершенного деяния.

Анализ правового явления «дополнительное расследование» позволяет раскрыть его сущность в двух смыслах – «широком» и «узком». Дополнительное расследование в узком смысле потребует производства дополнительных следственных действий по обоснованию обвинения, направленных на сбор новых доказательств и (или) на уточнение и дополнение уже имеющихся доказательств.

Большинство из оснований, перечисленных в п. 3 ч. 1 ст. 226.8 и ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ требует продолжения обвинительной деятельности и дальнейшего обоснования обвинительного тезиса.

Итак, к деятельности, не связанной с дополнением обвинения и вообще с производством дополнительных следственных действий следует деятельность дознавателя по пересоставлению обвинительного постановления.

¹ Комплексный анализ положений п. 17, 17.1 ст. 5, ч. 4 ст. 225 и ч. 3, 4 ст. 40.1 УПК РФ позволяет сделать такой вывод. В связи с тем, что начальник подразделения дознания осуществляет текущий контроль за качеством дознания, исходя из положений ч. 3, 4 ст. 40.1 УПК РФ, ему должны быть предоставлены полномочия, как и начальнику органа дознания, по реализации итогового контроля на завершающем этапе расследования. Ему также следует предоставить право согласования обвинительного акта перед передачей уголовного дела начальнику органу дознания.

Если собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии, преступления, характере и размере причиненного вреда, виновности лица, а также в случае самооговора обвиняемого, то действия дознавателя, уже в ходе производства дознания в общем порядке, будут направлены на дальнейшее обоснование обвинительного тезиса, а значит, будут являться дополнительным расследованием «в узком смысле».

Допущенные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, а также не установление дознавателем данных субъекта преступления (его возраста: совершеннолетия либо нет; занимаемой должности, если речь идет об особой категории лиц, перечисленной в п. 1-10 ч. 1 ст. 447 УПК РФ; при выяснении, что лицо не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, либо страдает душевным расстройством и нуждается в применении принудительных мер медицинского характера) повлекут производство дознания в общем порядке, характер которого будет иметь черты дополнительного расследования в «широком смысле». Однако речь может идти также о продолжении обвинительной деятельности. Например, доказательства, полученные в ходе проведения следственных действий признаются недопустимыми и дознавателю придется отыскивать новые способы получения обвинительных фактических данных.

Отметим, что перечисленные случаи дополнительного расследования в «узком» и «широком» смыслах, если их рассмотреть в призме оснований дополнительного расследования, являются конкретными случаями неполноты произведенного дознания или предварительного следствия и существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Ситуация, в случае, если лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к подследственности дознания влечет направление уголовного дела для соединения уголовных дел в соответствующий орган предварительного следствия.

Если от потерпевшего поступит ходатайство о возражении против производства дознания в сокращенной форме, когда уго-

ловное дело находится у прокурора, то дальнейшие действия дознавателя будут зависеть от достаточности собранных доказательств. Если не требуется дальнейшее продолжение обвинительной деятельности, то дознавателю будет достаточно составить обвинительный акт и направить уголовное дело прокурору.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что переход от сокращенной формы дознания к дознанию в общем порядке, исходя из сущности первой, по общему правилу, должен повлечь расширение предмета доказывания, и в конечном итоге больше тяготеет к дополнительному расследованию в «узком» смысле.

Этот вывод имеет прямое отношение к тому, что эти основания идентичны основаниям возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Таким образом, данные основания диссонируют с формальным характером препятствий для дальнейшего рассмотрения уголовного дела в суде. Перечисленные случаи и признание законодателем возможности их выявления после направления уголовного дела в суд лишь консервируют и без того низкое качество дознания. В настоящее время фактическая сторона расследования в форме сокращенного дознания сводится к минимальной доказательственной базе, доминируют частицы «не» (указанные в ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ) – «не проверять», «не допрашивать», «не производить» и т.д. Наблюдается все большая тенденция, что признание вины обвиняемым – станет главенствующим среди доказательств. Интересно на этот счет высказывание И.Л. Петрухина, что «во времена инквизиции получение признания обвиняемого рассматривалось как кратчайший путь к истине»².

Стремление к обеспечению быстрого доступа к правосудию, сокращению сроков производства, экономии сил и денежных средств вызывает массу проблем на фоне постоянного сокращения сотрудников полиции. Смогут ли дознаватели уложиться в рекордно короткие сроки?

Опасение также вызывает право потерпевшего и какой-либо из сторон (в виде возражения) в любой момент до удаления суда

² Петрухин И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 25.

в совещательную комнату отказаться от проведения дознания в сокращенной форме. Обоснованно ли наличие данного права, которое повлечет необходимость производства дознания в общем порядке и затягивание процессуальных сроков?

Несомненно, возникает много вопросов, ответы на которые покажет апробирование практикой законодательных новелл, а возможно и своевременное разъяснение правовых установлений Пленумом Верховного суда РФ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аширбекова Мадина Таукеновна – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент.

Глебов Василий Герасимович – начальник кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор.

Дикарев Илья Степанович – директор института права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Елфимова Евгения Игоревна – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета.

Зайцева Елена Александровна – профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Кабельков Станислав Николаевич – доцент кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Керимов Шамиль Шараниевич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета.

Кругликов Анатолий Петрович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Митькова Юлия Сергеевна – адъюнкт Волгоградской академии МВД России.

Перекрестов Вадим Николаевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета.

Печников Геннадий Алексеевич – профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Соловьева Наталья Алексеевна – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Трифопова Кристина Алексеевна – доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала Института управления, кандидат юридических наук.

Научное издание

**ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ВОПРОСЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева*

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Техническое редактирование *Е.С. Страховой*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 29.08 2013 г. Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл.-печ. л. 6,5.
Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 100 экз. Заказ «С» 101.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru